

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	"Исторические права" соседних государств и география Памира как аргументы в "Большой Игре" Британии и России (1869-1896 гг.)
Author(s)	Постников, Алексей В.
Citation	Acta Slavica Iaponica, 17, 33-99
Issue Date	2000
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39358
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI17_002.pdf

“ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВА” СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ И ГЕОГРАФИЯ ПАМИРА КАК АРГУМЕНТЫ В “БОЛЬШОЙ ИГРЕ” БРИТАНИИ И РОССИИ (1869-1896 гг.)

АЛЕКСЕЙ В. ПОСТНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что предлагаемая статья посвящена исторической теме, сама по себе проблема формирования границ на Памире (как, впрочем и в других районах земного шара) имеет много аспектов, не потерявших актуальности в наше время. Даже по своему происхождению настоящая работа была относительно далека от чисто академического исследования. Проект зародился около 30 лет назад, как часть прикладной правительственной исследовательской программы, целью которой было освещение исторических причин советско-китайского пограничного конфликта, который в тот период приобрел исключительную остроту и нередко приводил к кровопролитию на линии государственной границы СССР с КНР. Автору, как научному эксперту официальных советских организаций, которые были ответственны за подготовку к дискуссиям с китайской стороной, было поручено детальное исследование истории географического изучения и картографирования районов русско-китайской границы в 17 - начале 20 в. и связанных с этим материалов дипломатической борьбы соседних государств.

Главным практическим результатом этих исследований, в сочетании с итогами работ других экспертов, явилась реконструкция на современной местности линии прохождения государственной границы, утвержденной официальными русско-китайскими договорами и протоколами. Значительное внимание в этих исследованиях уделялось анализу историко-географической аргументации сторон при разделе территорий и назначении границ. Автором был написана трехтомная монография по этой проблеме, которая в то время предназначалась лишь для служебного использования, и публикация ее не предполагалась. История географического изучения и картографирования Памира составляла один из этих томов. В новых условиях пост-советского периода, после политического урегулирования основных пограничных споров соседних держав в Центральной Азии,¹ автор получил возможность обнародовать основные результаты своих исследований. Поэтому, в настоящее время, он дополняет работу по истории формирования границ на Памире детальным исследованием некоторых тем, которые

1 "China and Russia Complete Border Demarcation," *OMRI Daily Digest* 1:202 (October 17, 1995); "Kazakhstan Signs Pact with China," *International Herald Tribune* (April 27, 1994), p.2.

не имели прямого отношения к русско-китайскому пограничному спору, но которые важны в научном отношении, особенно для изучения исторических корней современной сложной ситуации в этой высокогорной стране. В ряду таких проблем видное место занимает вопрос о так называемых “исторических правах” различных соседних государств на памирские земли, многократно будировавшихся вплоть до самого недавнего времени в качестве аргументов для доказательства государственной принадлежности соответствующих территорий той или иной стране.

Географические исследования, картографирование и историко-этнографические работы на Памире в 19 веке проходили в условиях “Большой (или Великой) Игры” главных держав, имевших геополитические интересы в этом регионе (Афганистана, Китая, Британии и России), борьба которых за рынки сбыта и природные ресурсы играла существенную роль в формировании государственных границ. Сами историко-географические исследования и картографирование являлись решающими элементами создания границ на Памире. Они влияли на принятие решений стран-соперниц, а с другой стороны ожесточенная борьба этих стран не могла не влиять на методы научно-прикладных исследований для обоснования территориальных притязаний сторон.

Британская сторона “Большой Игры” имеет значительную историографию, фундамент которой был заложен еще в 19 веке в сочинениях непосредственных ее участников. Так, например, известный государственный деятель, востоковед и географ Сэр Генри Роулинсон (1810-1895 гг.), посвятил многие свои работы вопросам расширения территориальных владений Российской империи в Центральной Азии и его влияния на британскую политику. Одной из наиболее полных сводок подобного рода являлась его серия статей о политическом и географическом положении Центральной Азии - *Англия и Россия на Востоке*.² В этой работе впервые дан детальный анализ трудов европейских путешественников, исследовавших эти районы, и, в частности, Памир в период до 1875 года.

В наше время, зарубежные исследования по этой теме особенно активизировались, что в немалой степени было связано с возникновением острого советско-китайского пограничного конфликта, а затем и с войной СССР в Афганистане. Большое внимание уделяется общей истории роста государственной территории России, превратившейся к началу 20 столетия в обширнейшую континентальную колониальную империю мира. Усиление интереса к проблеме во многом связано с недавним распадом империи, вернувшейся практически к границам середины 17 века. Такой судьбоносный поворот в многовековой истории великой державы вызывает необходимость глубокого анализа геополитики России в прошлом, ее мотиваций и обусловленности как внутренними и внешними политическими фактора-

2 Sir Henry C. Rawlinson, *England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia* (London, 1875).

ми, так и географическими особенностями северной части Евразии, ставшей ареной роста Российской империи. Такой анализ необходим прежде всего как основа теоретического прогноза дальнейшего геополитического развития страны и его влияния на судьбы бывших ее составных частей и окружающих государств. Весьма удачной попыткой подобного историко-геополитического исследования является работа Джона П. ЛеДонне *Российская империя и Мир, 1700-1917: Геополитики расширения и сдерживания* (1997).³ В этой работе исследована история расширения территории России в течение имперского периода (1700-1917) и дана геополитическая интерпретация мотивов и целей этого роста, а также проанализированы политические шаги соседних государств для создания неких пределов расширения евразийской империи. Автор книги постулирует существования некой постоянной геополитической структуры, называемой им Heartland (ключевой, центральный район, имеющий определяющее значение для развития страны), в пределах которой российский центр боролся за гегемонию. В работе показано, что различные направления российской международной политики демонстрировали постоянство и упорство в достижении господства в рамках достижения геополитических целей развития территории, причем автор весьма убедительно продемонстрировал громадное значение географических особенностей Евразии, как арены генезиса этого процесса, во многом определявших темпы и направления его развития.

Наиболее современным и фундаментальным исследованием геополитических и дипломатических аспектов истории российско-китайского пограничного конфликта является изданная в 1996 году работа профессора С.К.М. Пэйна *Имперские соперники: Китай, Россия и их спорная граница*.⁴ Это одно из первых зарубежных исследований, в котором по-настоящему глубоко использованы российские и китайские архивные документы по теме. Благодаря серьезным переменам в России и Китае за последние годы, американский исследователь смог провести многие месяцы в архивах и библиотеках этих стран и использовать материалы, которые до недавнего времени были практически недоступны иностранным ученым. Работая в течение трех месяцев в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, С.К.М. Пэйн также смог использовать многие материалы российского министерства иностранных дел, хотя, по его свидетельству, выдача этих источников строго регламентировалась архивными работниками и многие из документов так и остались для него недоступными (в том числе - инструкции русским дипломатам). По словам автора, в Китае доступ в архивы теперь несколько улучшился, но, так же как и в России, некоторые материалы по этой теме подвержены ограничениям в использовании.⁵ Ав-

3 John LeDonne, *The Russian Empire and the World, 1700-1917: The Geopolitics of Expansion and Containment* (New York-Oxford, 1997).

4 S.C.M. Paine, *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier, 1858-1924* (New York-London, 1966).

5 Paine, *Imperial Rivals...*, p.367.

тор рассматривает период с момента подписания Айгуньского договора 1858 года до образования Монгольской народной республики в 1924 году. “Памирский вопрос” в этой книге однако не рассматривается. Самостоятельную ценность в книге представляют собой обзоры литературы и архивных источников, в также обширная библиография по теме.

Детальная политико-географическая характеристика русско-китайских пограничных актов, так же как и их полные тексты приведены в фундаментальной работе Дж.Р.В. Прескотта *Карта материковой Азии по договору* (1975).⁶ Автор совершенно справедливо подчеркивает, что власти колониальных империй, включая, прежде всего Британию и Россию создавали границы в Азии исходя из собственных эгоистичных государственных интересов. Главным критерием при этом было удобство обороны установленной границы. И лишь после того, как достигались предварительные договоренности по поводу генерального направления границы, вступали в силу экономические, этнические и исторические соображения, которые помогали делимитировать и демаркировать конкретную пограничную линию таким образом, чтобы, хотя бы в общих чертах, сохранить исконные социальные и политико-географические структуры коренных народов. В то же время, если такого рода соображения входили в противоречие со стратегическими интересами колониальных держав, диктовавших новые границы местному населению, геополитические резоны всегда “побеждали” стремление к сохранению каких бы то ни было исторических, этнических или государственных границ.⁷

Хорошим обзором истории русско-китайских отношений является работа Р.К.И. Квистеда *Русско-китайские отношения: Краткая история*.⁸ Традиционные представления китайцев о государственных границах в Центральной Азии изучены в работе Оувена Латтимора *Внутренние азиатские границы Китая* (1940).⁹

Из работ, непосредственно посвященных “Памирскому вопросу”, следует выделить фундаментальные труды Карри Олдера, глубоко и критически использовавшего подлинные материалы британских архивов и библиотек,¹⁰ а так же солидное исследование Дерека Уоллера по истории деятельности Большой Тригонометрической Съёмки Индии за границами британских колониальных владений, с особым вниманием к работам местных

6 J.R.V. Prescott, *Map of Mainland Asia by Treaty* (Melbourne, 1975).

7 Prescott, *Map of Mainland Asia...*, p.515.

8 R.K.I. Quested, *Sino-Russian Relations: A Short History* (Sydney, 1984).

9 Owen Lattimore, *Inner Asian Frontiers of China*, American Geographical Society Research Series no. 21 (New York, 1940).

10 Carry J. Alder, *British India's Northern Frontier, 1865-1985. A Study in Imperial Policy* (London, 1963); Idem, “Britain and the Defense of India - the Origins of the Problem, 1798-1815,” *Journal of Asian History* 6:1 (1972), pp.14-44; Idem, *Beyond Bokhara. The Life of William Moorcroft* (London, 1985); L. Alder and R. Dalby, *The Dervish of Windsor Castle. The Life of Arminius Vambery* (London, 1979).

(мусульманских) топографов и шпионов (пундитов), которые были обучены англичанами и проводили обширные исследования на Памире и в прилегающих к нему странах Центральной Азии.¹¹ Более популярные, но в то же время бесспорно оригинальные исследования по истории “Большой Игры” выполнены также Геральдом Морганом, Оливером Эдмундом Клуббом и Питером Хопкирком.¹² Жизнь и деятельность “ведущего актера” Большой Игры - Сэра Фрэнсиса Янгхазбэнда - рассмотрены в трудах Патрика Фрэнча, Джорджа Сивера, П. Мехра и Питера Флеминга.¹³

Детальная история формирования границ китайского государства изложена в труде Люк Т. Чаня *Китайские пограничные договоры и пограничные диспуты*.¹⁴ Значительное внимание в этой работе уделено советско-китайского пограничному конфликту, в связи с чем автор приводит не только тексты официальных договоров, определяющих границы между двумя государствами, но публикует также современную официальную дипломатическую переписку, посвященную отдельным спорным участкам, и, в том числе, Памиру. В работе четко показано, что до принятия какого-либо политического решения, граница на Памире между Россией (СНГ) и Китаем в районе южнее перевала Уз-бель не может считаться окончательно установленной. Главным доводом китайской стороны в споре по Памирскому вопросу остается “Фраза Мединского”, но при этом вспоминаются также и “исторические права” Китая на эти земли. В специальной статье Джона У. Гарвера, посвященной советско-китайскому территориальному спору в Памирском горном районе, делается практически аналогичный вывод.¹⁵ Автор дает беглый, но вполне объективный обзор истории вопроса, основанный главным образом на работах Олдера и Клубба. Дж. Гарвер совершенно справедливо подчеркивает, что вторжения китайских войск на Памир в 7-8 и 18 веках не приводили к постоянной оккупации этой горной страны. Автор справедливо указывает на роль Великобритании в последующих попытках цинских властей завладеть частью памирских земель. Обращаясь к современному состоянию проблемы, Дж. Гарвер констатирует, что основным

11 Derek Waller, *The Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia* (Lexington: Kentucky, 1990).

12 Gerald Morgan, *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895* (London, 1981); Idem, *Ney Elias. Explorer and Envoy Extraordinary* (London, 1971); Oliver Edmund Clubb, *China and Russia: The Great Game* (New York-London; 1971); Peter Hopkirk, *The Great Game: On the Secret Service in High Asia* (London, 1990).

13 Patrick French, *Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer* (London, 1994), переиздана в 1995 и 1997 гг.; George Seaver, *Francis Younghusband, K.C.S.I., K.C.I.E. 1863-1942. Explorer and Mystic* (London, 1952); P. Mehra, *The Younghusband Expedition. An Interpretation* (London, 1968); Peter Fleming, *Bayonets to Lhasa* (London, 1974); Idem, *Bayonets to Lhasa: The First Full Account of the British Invasion of the Tibet in 1904* (London, 1986).

14 Luke T. Chang, *China's Boundary Treaties and the Frontier Disputes* (London, 1982).

15 John W. Garver, “The Sino-Soviet Territorial Dispute in the Pamir Mountains Region,” *The China Quarterly* 85 (1981) pp.107-118.

доводом китайских властей теперь являются не какие бы то ни было “исторические права” Китая на Памирские земли, а ссылка на неопределенную формулировку (“фразу Медынского”) прохождения границы к югу от перевала Уз-бель в Новомаргеланском протоколе 1884 года, где сказано, что граница Китая от этого перевала идет строго на юг, а России - на юго-запад.

В 1960-80-х годах было опубликовано множество работ, специально посвященных развитию в этот период острого пограничного конфликта между СССР и КНР. Большинство из этих публикаций, особенно выпущенных авторами, представлявшими конфликтующие страны, несли на себе отпечаток субъективности, вполне объяснимой актуальностью переживаемых обеими странами событий, нередко приводивших к значительным человеческим жертвам. В таких работах нередко давались исторические обзоры зарождения разницы в трактовке прохождения русско-китайской границы на отдельных ее участках, однако подобные исторические экскурсы находились под сильным влиянием проходивших в то время споров, и в них подчеркивались лишь те моменты истории формирования границы, которые могли служить выгодными для соответствующей стороны аргументами в публичной дискуссии на страницах открытой печати. В настоящей работе не ставилась задача рассмотрения развития русско-китайского пограничного конфликта в советское время, поэтому автор считает возможным не останавливаться детально на анализе дискуссионных публикаций, посвященных развитию советско-китайского пограничного конфликта в 1960-80-х годах.¹⁶

Возвращаясь к теме нашей статьи, следует отметить, что наибольшее количество трудов зарубежных авторов посвящено британским географи-

16 О новейшей истории советско-китайского пограничного конфликта и дискуссиях сторон см.: Борисов О.Б. и Колосков Б.Т. Советско-Китайские отношения 1945-1980, краткий очерк. 3-е изд. М., 1980; Капица М.С. Эскалация вероломства (Политика Пекина и Советско-Китайские отношения). М., 1971; Внешняя политика Советского Союза и международные отношения, сборник документов. М., 1964; Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). М., 1977; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Т.13, 14. М., 1956, 1957; Юрков С.Г., Петров Г.П. изд. Внешнеполитические концепции Маоизма (правовые аспекты). М., 1975; Прохоров А. К вопросу о Советско-Китайской границе. М., 1975; Аваков М.М. Правопреемство Советского государства. М., 1961; Нарочницкая Н. Национальный интерес России // Международная жизнь. 1992. №3-46; George Ginsburgs, “The End of the Sino-Russian Territorial Disputes?,” *The Journal of East Asian affairs* 7:1 (1993), p.261-320; Idem, “Recent History of the Territorial Question in Central Asia,” *Central Asia Monitor* 2,3,4 (1992-93); G. Ginsburgs and C.F. Pinkele, *The Sino-Soviet Territorial Dispute, 1949-1964* (New York, 1978); A. Kruchinin and V. Olgin, *Territorial Claims of Mao Tse-tung: History and Modern Times* (Moscow, n.d.); *Down with the New Tsars! Soviet Revisionists' Anti-China Atrocities on the Heilung and Wusuli Rivers* (Beijing, 1969); D.J. Doolin, *Territorial Claims in the Sino-Soviet Conflict*, Hoover Institution Studies, No. 7 (Stanford, 1965); *A Provocative Sally of Peking Authorities, Events on the Soviet-Chinese Border* (Moscow, 1969); “The Disputed Area of the Pamirs,” *Beijing Review* 24:37 (1981), pp.21-23.

ческим исследованиям, связанным с решением Памирского вопроса, зависимости геополитической тактики и стратегии лондонского правительства и правительства Индии в Центральной Азии от расстановки основных внутривнутриполитических сил Британии и их основных ведущих деятелей. Значительно меньшее внимание в них уделено детальному анализу российской и китайской сторон “Большой Игры”. Объясняется это вполне очевидной причиной: для иностранных исследователей историко-внешнеполитические фонды архивов этих двух стран были практически недоступны. Ученые из России и республик Центральной Азии до недавнего времени также имели весьма ограниченный доступ к таким материалам, что не могло не сказаться на содержании даже тех немногих публикаций по истории геополитического противостояния в Центральной Азии, которые появлялись в советское время. Естественно, что значительное влияние на характер таких изданий оказывали жесткие идеологические рамки, в которых функционировала советская историческая наука. Отмеченные особенности характерны, в частности, для фундаментального труда Н.А. Халфина по истории политики России в Центральной Азии и глубоких исследований Б.И. Искандеровым истории памирских княжеств и их связей с соседними государствами Центральной Азии.¹⁷

На автора настоящего сообщения ограничения подобного рода не распространялись, поэтому он имел уникальную возможность практически исчерпывающе изучить все материалы по теме, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Империи, Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), Историческом архиве Казахстана (Алма-Ата), Узбекском национальном историческом архиве (Ташкент), в областных архивах Сибири и Алтая, а также - в отделах рукописей Российской Государственной библиотеки (Москва) и Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Наиболее важными для нашего исследования были, конечно, документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Империи, причем автору посчастливилось детально изучить не только российские материалы этого хранилища, но участвовать также в научном описании микрофотокопий материалов дипломатического архива 19 века Правительства Индии, подаренных правительством Индиры Ганди Советскому Правительству и хранящихся сейчас в этом архиве. Это дало возможность впервые познакомиться с британскими документами “Большой Игры”, детальное изучение которых было продолжено автором в Архиве и Библиотеке Правления Индии, Департаменте Восточных Рукописей и Книг

17 Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857-1868). М., 1960; Искандаров Б.И. Из истории Бухарского эмирата. М., 1958; *Его же*. Восточная Бухара и Памир во второй половине 19 в. Часть 1. Душанбе, 1962; *Его же*. Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине 19 в. // Известия АН Тад.ССР, Отделение общественных наук. 1966. №4-46. С.28-39; *Его же*. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. Душанбе, 1983.

Британской Библиотеки, а так же в Архиве и библиотеке Королевского Географического общества во время двух командировок по границам, любезно предоставленным Британской Академией. Помимо этого изучались материалы Национальной библиотеки в Париже, Военного архива Швеции и Шведской Королевской библиотеки, материалы польских и финских архивов и библиотек.

Таким образом мы смогли исследовать как российские конфиденциальные доклады, отчеты, переписку и карты, так и корреспонденцию центрального и индийского правительств Британии и соответствующих внешнеполитических ведомств, отчеты пундитов, сообщения Департамента Разведки Службы генерала-квартирмейстера Индийской армии, официальные отчеты Памирской Пограничной Комиссии, материалы, отражавшие “Большую Игру” в литературе и картографии других европейских стран, и другие источники по теме.

1. Путь к соглашению 1873 года

Впервые “исторические права” соседних центральноазиатских государств на Памирские земли серьезно заинтересовали российских и британских политиков в 1860-х годах, когда стало ясно, что территории двух империй в процессе их колониального расширения неотвратно приближаются друг к другу и в своем развитии могут соприкоснуться где-то вблизи северных границ британских колониальных владений в Индии. В этой связи, детальные исследования вопроса бывшей территориальной принадлежности памирских земель были проведены членами двух миссий Дугласа Форсайта в Восточный Туркестан, предпринятых в 1870 и 1873-74 гг. для установления торговых и политических отношений с Якуб-Бекем Кашгарским, воспользовавшимся восстанием мусульманского населения цинской провинции Синьцзян и образовавшим на ее территории исламское государство Джеты-Шаар (1867-1879 гг.).

Детальные сведения об этих работах сохранились лишь в конфиденциальных отчетах миссии в Библиотеке и Архиве Правления Индии Британской библиотеки. Участники экспедиции (Форсайт, Гордон, Биддалф, Столичка и несколько пундитов) выяснили, что в период их исследований (1873-1874 гг.) долина реки Ак-Таш была населена киргизами с Кизил-Арта, постоянно обосновавшимися там около 1867 года под властью вождя по имени Абдул Рахман, причем киргизы эти были выходцами с территории Коканда. Плато Тагарма в это время было занято алтайскими киргизами, в прошлом также подданными Коканда. На Большом и Малом Памирах на дату посещения англичан киргизов не было, те же, которые обычно использовали эти районы как летние пастбища и являвшиеся подданными Вахана, покинули эти территории из-за постоянных набегов, совершавшихся для добычи рабов, ваханцами, канджутцами и другими горными таджиками. Беглецы-киргизы разместились на новых зимних стойбищах в районе

Шакх Дара (Shakh Dara), откуда они летом откочевывали со всеми стадами на Аличурское плато, являвшееся в то время, по мнению участников экспедиции, также шугнанской территорией.¹⁸ На карте Биддалфа такая трактовка подтверждается, причем о *Шиджнани* [Шугнани, Шугнани] и других памирских владениях имеется следующее примечание автора: “...Шиджнан совершенно независим и управляется Юсуфом Али Шахом, который также владеет Рошаном и прилегающим Памиром. Вахан... включает Большой, Малый и Аличур Памиры. Истинным водоразделом между востоком и западом является равнина Кизил Ярты, принадлежащая эмиру Кашгара. Шугнан Памир и равнина Кизил Ярты населены кочующими киргизами, остальные Памиры недавно были покинуты [населением]”.¹⁹ (Рис. 1).

Гордон упоминал, что Якуб-Бек распространял свою власть на киргизов Памира вплоть до Кизил Арты, а относительно государственной принадлежности этих территорий во время яркендской миссии он писал следующее: “Вахан на Памире владеет Западным Тагдумбашем от водораздела, Малым, Большим и Аличур Памирами и долиной Ак-Таш к западу (левый берег реки до ее слияния с Мургабом). Аличур принадлежит фактически Вахану, но создается впечатление, что шугнанские киргизы имеют привычку занимать его по собственной воле без спроса. Восточный Тагдумбаш, восточная часть долины Ак-Таша и долина Кизил Арты вплоть до Алая принадлежат Кашгару”.²⁰ Начальник экспедиции, Дуглас Форсайт в своем конфиденциальном отчете о миссии писал: “Киргизы долины Кизил Арты находятся в небольшой зависимости то от Коканда, то от Кашгара”. А капитан Биддалф подчеркивал, что для обеспечения стратегических интересов Великобритании в Восточном Туркестане англичанам исключительно важно всячески поддерживать Якуб Бека, так как “возможности, предоставляемые... перевалами [ведущими с Памира в Индию], делают независимость Аталика предметом большой важности для нас. Никакой враг не сможет угрожать Индии через Читраль, пока на фланге такого наступления Кашгар будет нашим другом, причем с другой стороны Кашгар столь богатая страна в отношении съестных припасов и средств транспорта, что он представляет собой прекрасную базу для подготовки вооруженного вторжения через Памир сил, угрожающих Индии”.²¹

18 India Office Library and Records (IOLR), MSS, Eur. F 112/397. Confidential. *Routes from Russian territory in Central Asia towards Afghanistan and India. - Section 1. The Pamir line of advance...compiled in the Intelligence branch of Quartermaster General Department of India by Lieutenant W.R. Robertson. Intelligent branch* (Simla: pr. at the Gov. Central Pr. Office, 1893), pp.42-43; См. также - АВПРИ, Историко дипломатический архив (ИДА), Фонд 701, опись 1, №92, листы 11-13: “Из сообщения Д. Форсита о границах владений Якуб-бека (от 16 сентября 1874 г.)”.

19 Royal Geographical Society(RGS), Map Collection: ASIA - Spec. Pamirs, 1874: S/S.49, MS by Capt. Biddulph. 1874.

20 IOLR, MSS, Eur. F 112/397, p.43.

21 RGS, Journal MS. 1874 (C.Asia). Forsyth. Copy of a letter dated Tashkurgan Sirikol the 8th May 1874 from Captain G. Biddulph, Aide de Camp to the Viceroy...Sheet 2.

There are two Karakul Lakes, one flowing
 eastward one flowing West. The one flowing East forms
 the Ghig stream and passing through the Ghig Pass
 becomes the Kashgar river. The one flowing West joins the
 stream from the Ghig Lake at Panis Kul and forms the
 Murgab River, enters Shignan at Bunting and traversing
 Shignan falls into the Oxus at Yamen, five days journey
 below Kila Panja.

Shignan is perfectly independent ruled over by
 Yusef Ali Shah who also owns Aokhan and adjoining
 Panir.

Wakhan territory extends up to junction of Ak-
 -bach stream with stream flowing from Lake Karakul and
 contains the Great, Little and Alishan Panirs.

The line marked between Wakhan and that is the Kirgiz
 yurt plain belonging to the Amir of Kashgar.

The Shignan Panir and the Kirgiz yurt plain are
 inhabited by wandering Kirghiz, the other Panirs have been
 abandoned of late years.

From Tashkurgan to small Karakul Lake is one
 day march from small Karakul to Gt. Karakul is 5 days and
 to Ak from Gt. Karakul is 6 days march.

The Bagrat Pass into Chitral is extremely
 easy and open the whole year with the exception of about six
 weeks in March and April.

The above red line shows our route
 The black colored lines show the bound-
 -aries of Kashgar, Wakhan and Belukand Territory.

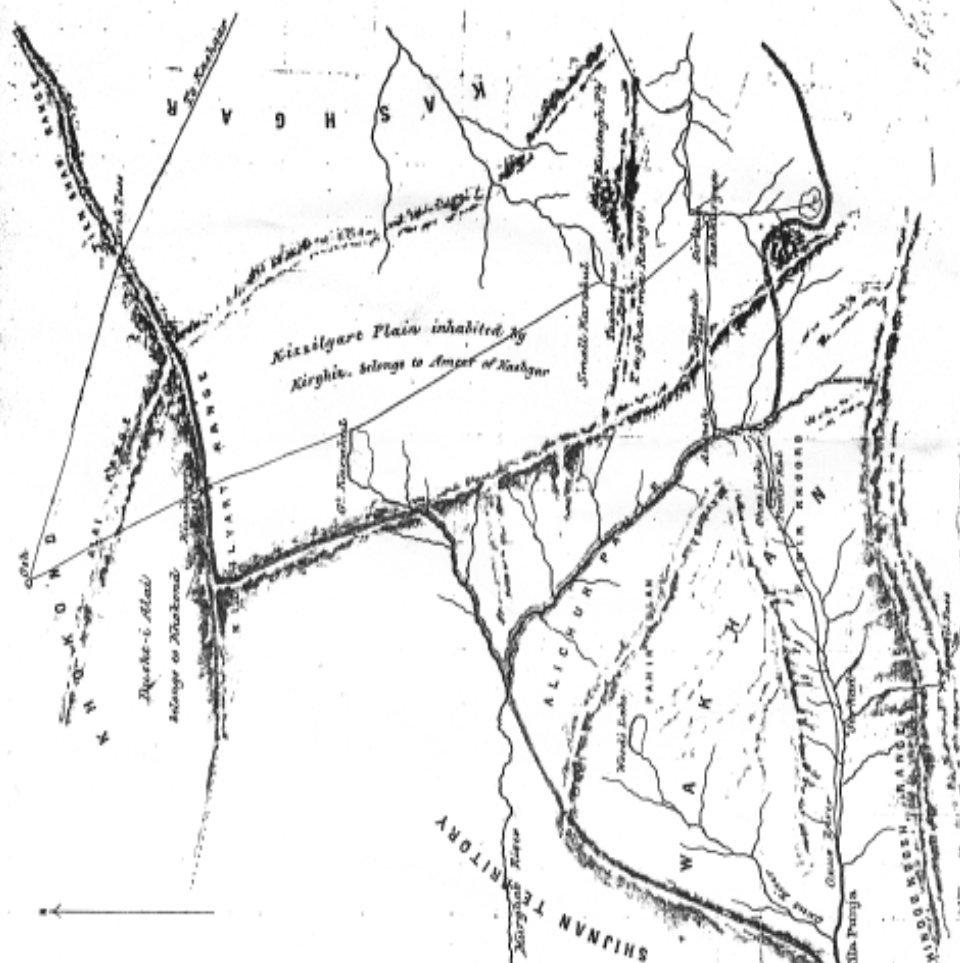

Рис. 1. Подлинная рукописная карта, составленная капитаном Биддалфом во время экспедиции Форсайта (1874 г.). Хранится в Картографической коллекции Королевского Географического общества в Лондоне.

Главным выводом, сделанным на основании исследований членов миссии Форсайта было то, что “не только территории Афганистана и Кашгара не [подчеркнуто в источнике - А.П.] соприкасаются на Памирах, но было твердо установлено, что Россия по приобретении Коканда, может предъявить некоторые неопределенные права, которыми это государство [Коканд] обладало в частях, лежащих между ними [Кашгаром и Афганистаном]. В итоге она сможет завладеть Ташкурганом и Сарыколом”.²² Заметим, что выводы миссии Форсайта целиком совпадали с информацией, собиравшейся по этому вопросу в Министерстве иностранных дел Великобритании с 1867 года. Так, в письме Дж. Сэйвилла Ламли лорду Стэнли (15 июня 1867 г.), владения Коканда описываются включающими следующие районы: “Восточный склон Бегир Тага, который эти племена (черных киргизов) используют под пастбища, территория, которая хотя и расположена в Китайском Туркестане, пренадлежит Коканду. Страны Каратегин, Дарваз, Кулат [по-видимому Кулаб - А.П.] и Шугнан были завоеваны Кокандом в 1830 г., хотя сейчас едва ли связаны с ним, и также будут рассматриваться Россией, как принадлежащие ей территории”.²³ Материалы о принадлежности Памира Коканду были рассмотрены в английском внешнеполитическом ведомстве снова в 1873 году, причем сделан вывод, что “территория ханата [Коканда] распространялась когда-то в восточном направлении на озеро Сенхоль - истинный исток Аму, включая левый берег этой реки, в то время как на юге Каратегин, Дарваз, Кулат [Кулаб] и Шугнан приводят южную границу этого ханства на расстояние двух дней от Балха”.²⁴

Возможность реализация такого сценария весьма беспокоила британское руководство, поэтому, уже в 1869 году, пытаясь поставить предел продвижению русских в Центральной Азии, Англия выступила с инициативой начать с переговоры с Россией о разделе сфер влияния и создании буферной зоны между владениями Российской империи и Великобритании в этом районе.²⁵ Вначале предполагалось сделать буферной зоной территорию Афганистана. Эта точка зрения не получила поддержки российской стороны, так как Афганистан претендовал на все территории южнее Окса (Аму-Дарьи), в то время как Бухара, в свою очередь, считала некоторые из районов южнее Окса своими. Россия, в сферу влияния которой входила Бухара, не могла поддержать притязания Афганистана.²⁶ Имевшиеся тогда

22 IOLR, MSS, Eur. C 178. Carry John Alder, “British Policy on the ‘Roof of the World,’ 1865-1895, with special reference on the Anglo-Russian Agreement of 1895.” Thesis submitted for the degree of Ph.D. in the University of Bristol (1959), pp.370-371.

23 АВПРИ, ИДА, Фонд 701, опись 1, №73, лист 8.

24 Там же, листы 6-7.

25 Суть этого предложения и результаты предварительных переговоров министра иностранных дел Британии лорда Кларендона с послом России в Лондоне Брунновым изложена в депеше Кларендона, направленной 27 марта 1869 года послу Англии в России Андрю Бьюкенену, опубликованной в качестве приложения №3 в книге Геральда Моргана: Morgan, *Anglo-Russian Rivalry...*, pp.238-240.

26 АВПРИ, ИДА, Фонд 701, опись 1, №37 (1869 г.), лист 3.

у Министерства иностранных дел Великобритании материалы подтверждали российскую позицию, о чем в частности свидетельствуют карты, сохранившиеся в Архиве Государственных Документов Великобритании (Public Record Office): Карта части Центральной Азии, показывающая российские владения и прилегающие страны... 1866; Карта для иллюстрации Меморандума (конфиденциального под №11262) по Афганистану, Туркестану, составленная Заместителем Секретаря Иностранного Департамента Правительства Индии Т. Таббойз Уиллером. 1869; Военная штабная карта Центральной Азии и Афганистана Уильда [1870-е годы].²⁷ На этих картах территория Бухары показана распространяющейся на весь Памир.

Русских представителей беспокоила возможность продвижения Афганистана на соседние владения Балха, Кундуза и Бадахшана, в связи с чем от Великобритании требовались гарантии сохранения границ Афганистана в том виде, в каком они существовали на момент проведения переговоров, т.е. - в 1869 году.²⁸ На этом этапе стороны так и не смогли прийти к соглашению.

В конце 1869 года в Петербург прибыл Дуглас Форсайт, и Англия предложила России определить северную границу Афганистана в качестве рубежа, разделяющего сферы влияния двух империй. Россия согласилась, и таким образом переговоры о создании буферной зоны возобновились. Заметим, что во время переговоров министра иностранных дел России князя А.М. Горчакова (1798-1883 гг.) с Дугласом Форсайтом, последний пытался доказать необходимость официального признания правительством Российской империи государства Джеты-Шаар и его главы Якуб-бека. На это Форсайт получил решительный отказ, сводившийся к тому, что "хотя этот правитель [Якуб-бек] смог установить свою власть *de facto*, Россия имеет договоры с Китаем и не может вступать в дипломатические отношения с удачливым инсургентом против власти китайского императора".²⁹ В то же время Горчаков заверил английского посла, Сэра А. Бьюкэнена, что "Аталику Гази нет оснований опасаться России, но Русское правительство не имеет отношений с ним, а так как Правительство Индии, судя по всему, ведет с ним какие-то дела, Вы можете уверить его официально, от моего имени, что Россия не имеет враждебных намерений по отношению к нему, или какого-либо желания заниматься завоеваниями на его территории. Мы также посоветовали бы Аталику Гази воздерживаться от вмешательства в политические дела и ссоры соседних государств".³⁰

27 Public Record Office (PRO), Foreign Office Maps and Plans, F.O. 925/1996: *Map of part of Central Asia, shewing the Russian possessions and the conterminous countries...* 1866; F.O. 925/2249, *Asia: Map to illustrate a Memorandum (Confidential, No. 11263) on Afghanistan- Turkistan. By J. Tabboys Wheeler, Ass. Secretary Foreign Department, Government of India. 1869, Survey General of India, Calcutta*; F.O. 925/2113: *Wyld's Military Staff Map of Central Asia and Afghanistan [the 1870s]*.

28 АВПРИ, ИДА, Фонд 701, опись 1, №44, лист 9.

29 Там же, лист 6.

30 IOLR, MSS, Eur. F 111/115: Printed official correspondence respecting Central Asia, 1871-1888...Mr. Forsyth's Report, 2 December 1870. Sheet 105.

На возобновившихся переговорах дискуссионным был вопрос *включает ли Афганистан Бадахшан и Вахан, или его северную границу составляет соединение Кокчи с Оксом?* Британская позиция по этому поводу изложена в следующем письме (от 17 октября 1872 года) министра иностранных дел Великобритании, графа Гранвилля (1815-1891 гг.) лорду А. Лофтусу:

“...Для более полной информации Вашего Превосходительства я изложу позицию Правительства Ее Величества по поводу того, какие территории и границы признаются полностью принадлежащими эмиру Кабула, а именно -

(1) Бадахшан, с зависимым от него районом Вахана от Сарикаля (Озера Вуда) на востоке до слияния реки Кокча с Оксом (или Пянджем), представляющим собой северную границу этой афганской провинции на всем ее протяжении.

(2) Афганский Туркестан, включающий районы Кундуз, Кульм и Балх, северной границей которых будет линия Окса от слияния с рекой Кокча до поста Ходжа Салех включительно, на дороге из Бухары в Балх. Афганский эмир не будет ничего требовать на левом берегу Окса ниже Ходжа Салех.

(3) Внутренние районы Акша, Серипуль, Майменат, Шибберджан и Андкой, последний из которых будет крайним пограничным афганским владением на северо-западе, причем пустыни за границей принадлежат независимым туркменским племенам.

(4) Западная граница Афганистана между зависимым от него Гератом и персидской провинцией Хорассан хорошо известна и не нуждается в определении”.³¹

По поручению графа Гранвилля копия этого письма была передана российскому министру иностранных дел графу А.М. Горчакову, который, в ответном послании своему британскому коллеге 7 декабря 1872 года заявил следующее: “Основатель афганского государства Дост Махоммед Хан оставил после себя состояние неразберихи, которое не позволяет принять за основу те территории, которые были присоединены Афганистаном в отдельные моменты его правления. Поэтому было согласовано, что надо принимать во внимание лишь те из территорий, ранее признававшие власть Дост Махоммеда, которые все еще находились во владении Шер Али Хана...”

Генерал-губернатору Туркестанского края генерал-адъютанту К.П. Кауфману (1818-1882 гг.) было поручено выяснить, какие же это были реально территории и его исследование привело к следующим заключениям:

“(1) Что на севере Аму-Дарья составляет фактически истинную границу Афганистана от ее слияния с Коктча и до Ходжа Салех. Таким образом в этой части наши данные подтверждают мнение Правительства Ее Британского Величества, и рассматриваемая граница представляется тем более разумной, что она не может вызвать споров со стороны обитателей берегов Аму-Дарьи.

(2) К северо-востоку, данные, которые мы собрали, представляют место слияния этой реки с Коктча в качестве предела районов для которых Шер Али Хан является действительным и бесспорным сюзереном. За этими пределами и особенно в отношении Бадахшана и Вахана, было невозможно найти каких-либо следов подобной власти; напротив, вся наша информация по этому поводу доказывает, что эти районы следует рассматривать как независимые. В сообщении Правительства Ее Британского Величества, которое было нам доставлено в ноябре, показано, что по свидетельству майора Монтгомери, эмир

31 IOLR, MSS, Eur. F 111/144. Correspondence with Russia respecting Central Asia. Printed to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. 1873. Sheets 1-5.

Кабула имеет “значительное влияние” в Бадахшане и что афганцы “помогли Махмуд Шаху сместить эмира или правителя этой страны Джехандар Шаха”. Но сами по себе эти факты представляются скорее указывающими на реальную независимость Бадахшана, нежели на его абсолютное подчинение эмиру Кабула. Информация, собранная господином Струве и содержащаяся в его Меморандуме поддерживает это заключение. Действительно, упоминается о вмешательстве афганского эмира во внутренний спор Бадахшана и о попытках с его стороны получить за его поддержку плату в виде своеобразной дани; но нигде невозможно обнаружить признаков, которые в Азии сопровождают осуществление прав сюзерена, например, присутствие в стране афганских чиновников и официальных лиц для сбора налогов. Правители Бадахшана считают себя независимыми правителями, таковыми же их полагают их соседи. Из этого следует, что основываясь на этих фактах можно допустить, что эмир Кабула пытался в нескольких случаях подчинить Бадахшан своей власти, что несколько раз он, используя внутренние беспорядки, добивался значительного влияния в стране, основанного на близком соседстве и больших силах; но, что из этих случаев невозможно вывести наличия реальной и неоспоримой власти сюзерена.

Что касается Вахана, то эта страна представляется вплоть до настоящего времени находящейся даже более в стороне от сферы прямых действий правителей Афганистана.

(3) Далее мы должны поинтересоваться хорошо ли при таком положении вещей и имея ввиду нашу общую цель - установление в этих районах постоянного мира, гарантированного обоими правительствами - признать притязания эмира Кабула на Бадахшан и Вахан и таким образом включить обе эти страны в территориальные границы Афганистана. Генерал-адъютант Кауфман не думает, что это было бы правильно, и Императорский Кабинет приходит к тому же мнению... Нам представляется более соответствующим этой цели [поддержанию мира] позволить сохранить существующее положение вещей. Бадахшан и Вахан таким образом будут представлять собой барьер между северными и южными государствами Центральной Азии, и этот барьер, усиленный объединенными действиями, которые Англия и Россия способны применить в отношении приемлющих их влияние государств, будет эффективно противостоять любым опасным контактам и способствовать, по нашему мнению, обеспечению мира в этих странах, настолько, насколько что бы то ни было вообще может его обеспечить”.³²

Следует заметить, что в своей справке, предоставленной российскому министерству иностранных дел, генерал-губернатор Туркестанского края барон фон Кауфман подчеркивал, что намеренно не стал посылать русских офицеров на Памир, в районы, которые обсуждались британским и российским правительствами, для того, чтобы не возбуждать опасений, или неоправданных надежд у народов этих стран до подписания соглашения о разделе сфер влияния между двумя империями. В отношении ситуации с Бадахшаном и Ваханом, фон Кауфман предупреждал о необходимости учитывать в переговорах тот факт, что в случае признания зависимости этих стран от Афганистана, границы этого государства непосредственно приблизятся к Восточному Туркестану, “и в конечном итоге его северо-восточная граница соприкоснется с владениями Якуб Бека. А это путь, который приведет его к непосредственному столкновению с Россией”.³³

32 Ibid., Sheets 5-7.

33 Ibid., Sheet 9.

Реальная граница владений Афганистана представлялась российскими властям следующим образом:

“В строгом смысле этого слова владения эмира Шер Али Хана распространяются на восток лишь до меридиана точки соединения реки Кокча с Аму-Дарьей. Эта линия отделяет Бадахшан и Вахан от провинции Кундуз, которая бесспорно составляет часть владений Шер Али Хана... Насколько мы выяснили из английских сообщений, Афзаль Хан предпринял безуспешную попытку захватить Бадахшан, в результате чего, однако, мир Бадахшана, для обеспечения безопасности своих владений, обязался платить Дост Мохаммед Хану ежегодную дань в количестве две рупии на каждый дом, а также - передать в его распоряжение месторождения рубина и лапис-лазули, расположенные на его территории. Эта договоренность однако не была выполнена; кончина Дост Мохаммед Хана побудила правителей Бадахшана искать защиты у Бухары..., которой они стали платить ежегодно 15000 рупий (9000 руб.). К востоку от Бадахшана, в верхнем течении Аму-Дарьи расположена малоизвестная страна под названием Вахан. Эта страна иногда называется Дарья-Пянж (Пять Рек), благодаря пяти главным истокам Аму-Дарьи, [она примыкает] к северным границам Памирской Степи, которая отделяет ее от Каратегина; на востоке она примыкает к Сарыколу, который принадлежит государству Якуб Бека; на юге она отделена от Техитрара (страны полностью независимой от Кабула) горами Ноюк-Сан - восточным продолжением Гиндукуша”.³⁴

Российская сторона утверждала, что Вахан находился в зависимости от Бухары. Сравнивая беспристрастно приведенные российскими представителями сведения с рассмотренными нами выше данными, которыми располагали англичане, нетрудно убедиться, что во многом они вполне коррелировались друг с другом. Обеим сторонам было ясно, что зависимость Бадахшана и Вахана от Афганистана возникала лишь временно и имела достаточно эфемерный характер. Бесспорное преимущество англичан в этих переговорах заключалось в том, что они к 1870-м годам знали о Памире и окружающих его странах больше чем русские, которые были вынуждены опираться во многом на сведения, полученные в Центральной Азии косвенным путем, а также - на информацию, предоставляемую их оппонентами на переговорах, ведущую роль в числе которых играл “лично знакомый” с Памиром Дуглас Форсайт.

В конце концов русское правительство приняло, или скорее “не отказалось признать английскую линию демаркации условной границы, которая отдавала Бадахшан и Вахан эмиру Кабула”.³⁵ Таким образом, в начале 1873 года между двумя державами была достигнута договоренность, согласно которой крайним восточным пунктом северной границы Афганистана было признано озеро Вуда [Виктория, современное - Зоркуль]. Названное соглашение по сути дела не касалось части Памира, расположенной к востоку от этого озера. В 1888 году лорд Джордж Н. Кёрзон следующим образом охарактеризовал русско-английское соглашение и границу сфер влияния двух империй:

34 Ibid., Sheets 10-12.

35 АВПРИ, ИДА, Фонд 701, опись 1, №67, лист 3. См., также: IOLR, MSS, Eur. F 111/144. Sheet 15: Letter from St.Petersburg, 19/15 January 1873.

“По соглашению Горчакова-Гранвилля 1872-3 гг., единственному дипломатическому акту между Англией и Россией, касающемуся границы в верхнем течении Окса, было решено, что все территории, подчиненные Дост Мохаммеду в момент его смерти в 1863 году, а также те из них, которые фактически принадлежали Шер Али в 1872 году, следует рассматривать как афганскую собственность. По условиям этой договоренности ханаты Бадахшана и Вахана, после небольшой дипломатической борьбы, были уступлены Шер Али, причем их северная граница предполагалась проходящей по тому, что тогда считалось северным ответвлением Окса, а именно - реке Пяндж, берущей начало из горного озера, открытого Вудом и известного под названиями Озера Вуда, Озера Виктория и озера Сир-и-куль”.³⁶

Из приведенного высказывания очевидно, что точка зрения и права коренного памирского населения не выяснялись и совершенно не принимались во внимание политиками России и Британии, определявшими будущие судьбы этих народов.

2. АКТИВИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ИГР

Соглашение Горчакова-Гранвилля имело очень длительный и стимулирующий эффект на развитие географических исследований и формирование границ на Памире, тем более, что всего лишь через три года после заключения этого соглашения Россия сделала следующий важный шаг в расширении своих среднеазиатских владений: в 1876 году в состав империи был включен Коканд.

Первая серьезная попытка разобраться в политико-административном делении Памира была предпринята в Топографическом департаменте Военного министерства Великобритании в 1873 году, где И.Г. Ревенстейн составил в масштабе 1: 200 000 *Карту части Центральной Азии, включающую страны между русскими владениями и Британской Индией (широта от 34 до 44 градусов; долгота 62 - 80 градусов в.д.)*.³⁷ На этой карте по-видимому в наиболее полной степени нашли отражение географические представления англичан о территории Памира в период заключения договоренности с Россией о разделе сфер влияния в Центральной Азии. *Карта части Центральной Азии...* вероятно явилась итогом упомянутых выше исследований внешнеполитического ведомства Великобритании, направленных на установление территориальной принадлежности памирских земель. На этом картографическом документе нанесены названия и границы памирских княжеств (например, Каратегин, Шугнан, Рошан, Дарваз, Бадахшан, Вахан), наименования отдельных частей Памира (историко-географических провинций), в том числе - Памир Калан, Сарыкол, Каргоши, Сарез, Памир Хунд, Тагдумбаш, Кизил Арт, названия отдельных родов памирских киргизов (алтайские киргизы, Чуок киргизы, Ярашбай киргизы). Помимо границ отдельных памирских кня-

36 IOLR, MSS, Eur. 111/19. 1882-1898. Articles and Essays, p.198.

37 BLML, #46900.(92): *Map of a Portion of Central Asia Comprising the Countries between the Russian Possessions and British India* (Lat. 34° to 44°, Long. 62° to 80° E.). Compiled at the Topographical Department of the War Office by E.G. Ravenstein, Capt. C.W. Wilson, R.E. Director, 1873.

жеств, показ которых крайне редко встречается на других картах, на *Карте Центральной части Азии...* изображена *Граница Кокана* [Коканда] *около 1860 г.*, в которую включена территория Кизил Арта и северной части Памир-Калана. Владения Аталика Гази (Якуб-бека) показаны восточнее Кашгарского хребта.

Следует заметить, что достаточно достоверные данные описанной карты, являвшейся внутренним изданием военного министерства, по сути дела не нашли отражения на обзорных картографических произведениях, выпускавшихся этим ведомством для широкого использования. Так на *Карте части Центральной Азии, показывающей русские владения и промежуточные страны, составленной по русским источникам, а также по карте Туркестана полковника Уолкера 1866 г., литографированной в Топографическом депо Военного министерства в 1866 г. и исправленной в 1873 г.*, памирские территории показаны входящими в состав Бухары, причем восточная граница бухарских владений изображена проходящей по западному берегу озера Кара-Куль, а восточнее расположены районы, находящиеся под властью Якуб-бека.³⁸

На некоторых, наиболее обзорных картах все независимые от Китая среднеазиатские владения, включая Кашгар, Памир, Бухару и Хиву изображались единым фоном, без показа границ между отдельными владениями. В качестве примера здесь можно назвать карту *Азия*, приложенную к сочинению А.Г. Форбеса *Империя и города Азии* (Лондон, 1873),³⁹ где Памир показан входящим в состав независимого от Китая Туркестана, территория которого изображена фиолетовым фоном и включает Кашгар, Бухару и Хиву.

Во времена правления Якуб-бека англичане всячески старались наладить сотрудничество и торговлю с исламским государством Джеты-Шаар, образовавшемся на части западной провинции Китая - Синьцзяна. С падением Джеты Шаара и восстановлением китайского господства стремление Великобритании к синьцзянскому рынку сбыта не угасло, тем более, что оно подогревалось соперничеством с Россией и желанием использовать Китай в качестве силы, противостоящей распространению владений Российской империи на юг - в направлении Памира и к границам английских колониальных владений в Индии. Отношение китайцев к этому вопросу не было однозначным: с одной стороны они были совсем не против использовать поддержку Великобритании в решении “Памирского вопроса”, с другой - весьма опасались усиления английской торговли и политического влияния в Синьцзяне, тем более, что это вызывало недовольство России, с которой у Цинской империи были заключены сначала Ливадийский (1879 года, нератифицированный Китаем), а затем - Петербургский 1881 года договоры.

38 IOLR, L.XIX.30: *Map of part of Central Asia, shewing the Russian possessions and the conterminous countries. Compiled from Russian sources and from Col. Walkers Map of Turkestan, a.c. 1866. Lithographed at the Topographical Depart of the War Office, 1866, Corrected, March 1873.*

39 Туркестанский сборник. Т.201.

Сразу после восстановления цинской власти в Восточном Туркестане британский *политический агент* (представитель) в Ладаке Ний Илеяс получил приглашение от правителя Кашгара встретиться с ним в Яркенде. Следует заметить, что Ний Илеяс как нельзя лучше подходил для роли английского представителя в Синьцзяне благодаря своему уникальному предыдущему опыту исследователя и дипломата. Он знал китайский язык, и в 1868 году выполнил съемку 500 миль нового течения величайшей реки Китая - Янцзы (Желтой реки), которая за 25 лет до этого размывала берега и образовала новое устье в Желтое Море. В 1872 году он осуществил путешествие из Кобдо через Монголию, выполнив тщательную маршрутную съемку 2300 миль своего пути до российской границы, а далее Ний Илеяс зимой преодолел 2000 миль по Сибири, вплоть до Нижнего Новгорода, откуда по железной дороге добрался до Петербурга.⁴⁰ Завоеванный этими работами авторитет специалиста по Азии, Ний Илеяс убедительно закрепил своими работами на Памире, которые будут рассмотрены нами ниже.

Английским властям в Индии очень импонировала идея учреждения официального представительства британского колониального правительства какого-либо ранга (торгового или политического "агента"), с тем чтобы такой "офицер [чиновник] в Кашгаре был бы в центре непрерывного потока центральноазиатских торговцев, от которых он непременно мог бы получать подлинные новости о событиях в Коканде, Ташкенте, Самарканде и т.д., и, в то же время его положение благоприятствовало бы выполнению задачи наблюдения за движениями [русских] в направлении Сарыкола".⁴¹ Желание англичан "окопаться" в Синьцзяне подогревалось еще и тем фактом, что Россия, по условиям Ливадийского договора имела право открыть в Кашгаре свое консульство. Помимо этого значительное беспокойство Британии вызвало восстание в Бадахшане и изгнание оттуда афганцев осенью 1879 года. В справке, представленной по этому поводу Нию Илеясу, майор Дж. Биддалф утверждал, что Бадахшан не сможет существовать самостоятельно и что "достаточно хорошо известно желание России закрепиться к югу от Окса: русские авторы неоднократно объявляли, что до тех пор пока она не овладеет Бадахшаном, Россия не обретет своей законной границы... Представляется что у [Англии] нет выбора помимо того, чтобы подтолкнуть Кабул к завоеванию вновь Бадахшана, или обеспечению такого положения, когда местный мир [Бадахшана], подобный Шахзада Хуссану, будет править им как зависимым от Кабула или от британского правительства государством. Недостатком афганской оккупации, подобной той, которая прекратилась прошлой весной, являются те настроения, которые были вызваны у местного населения беззакониями, творимыми недисциплинированными афганскими войсками, которые готовят плодородную почву

40 Morgan, *Anglo-Russian Rivalry...*, p.156. Подробнее о Нее Элиасе см.: Morgan, *Ney Elias...*

41 RGS, Archives, Ney Elias, D.No. 9485-E. 1880: Proposed reconnaissance towards the Upper Oxus (2 January 1880, from Mr. N. Elias to the Foreign Secretary). Sheet 3.

для зерен российских или бухарских интриг; при этом неспособность афганской власти справиться с народным восстанием была в достаточной мере продемонстрирована в этом году. Русский губернатор в Фейзабаде будет столь же опасен, как русский генерал в Герате, а может быть даже более, и вопросы мира и войны при этом будут в руках России, а не в наших руках”.⁴²

Первая поездка Ния Илеяса состоялась в 1879 году и была, по сути дела, неофициальной. Вместе с Илеясом отправился капитан Бриджес (Captain Bridges), которому было поручено исследовать их путь, как возможный маршрут российского вторжения с севера. В Килиане английский политический агент, к своему великому удивлению, получил приглашение от Кашгарского амбана встретиться с ним в Яркенде. Ний Илеяс принял это приглашение, но на подходе к Яркенду узнал, что амбань покинул этот город и возвратился в Кашгар.⁴³ Английскому политическому агенту ничего не оставалось делать, как встретиться с яркендским амбанем, которому он сказал, что “в интересах обеих сторон [Китая и Англии] было бы прийти к какому-либо соглашению, по которому мог бы осуществляться обмен новостями между официальными лицами Яркенда и Ладаха в отношении любых движений в странах, находящихся вблизи их границ, но особенно в отношении действий русских”.⁴⁴ Яркендский амбань сделал вид, что он вообще ничего не знает ни об Индии, ни о Ладахе и воздержался от каких-либо высказываний по поводу возможности заключения соглашения об обмене информацией, но адресовал англичанина к своему руководству в Кашгаре. Повторного приглашения от кашгарского амбана Илеяс не получил и был вынужден возвратиться в Лех, не посетив столицы Китайского Туркестана. Время своего пребывания в Яркенде он использовал для достаточно подробного ознакомления с ситуацией в Синьцзяне, выяснив, в частности, что мусульманское население этой провинции испытывает значительные притеснения со стороны китайцев - факт, который еще более усилил его опасения дальнейшим ростом российского влияния в этом отдаленном уголке Цинской империи. По этому поводу Ний Илеяс пишет следующее:

“Не следует удивляться, если при подобных обстоятельствах народ [Синьцзяна] будет стремиться к приходу русских. Это верно, что у них есть много возражений против русских, и, разговаривая с англичанином, они обычно делают вид, что их единственное желание сводится к тому, чтобы Британское правительство овладело страной. Но несколько хорошо информированных людей сообщили мне, что общие настроения народа сводятся к тому, что так как англичане не помогут им, они очень хотят попасть под русское управление как можно скорее. Но одной из наиболее удивительных черт китайского правления, как я уже упоминал выше, является достойное презрение невежество ответственных функционеров в отношении всего того, что [происходит] за пределами их собствен-

42 Ibid.: “Badakhshan” by J. Biddulph, Major, Calcutta, 22 December 1879, Sheets 1-3.

43 Morgan, *Ney Elias...*, pp.117-118.

44 RGS, Archives, Ney Elias, No.7, 7 sketches, 1879 and 1880. N.E.’s visit to Yarkand and Kashgar. Sheet 5.

ных границ. Без сомнения именно это невежество приводит их к тому, чтобы искать прибежища в изолированности, побуждает их подозревать искренность намерений любого иностранца и рождает идею о том, что они окружены цепью врагов, объединившихся на пространстве от Или до Ладаха”⁴⁵

С военной точки зрения, важным результатом поездки Илеяса был вывод о том, что перевал через Каракорум очевидно не мог быть использован в качестве пути вторжения в Индию.

В 1880 году Ний Илеяс снова был направлен британским правительством Индии в Восточный Туркестан для выяснения влияния на индийскую торговлю русско-китайского Ливадийского договора 1879 года. В поездке британского политического агента сопровождал опытный топограф Тригонометрической Съёмки Индии Х.Х. Годвин-Остен (H.H. Godwin-Austen), проводивший первые съёмки в Кашмире и великолепно знавший Гималаи и Каракорум. Помимо топографических работ Годвин-Остен занимался также геологическими и гляциологическими исследованиями. Третьим спутником Илеяса был индийский врач, сильно помогавший путешественникам в плане установления хороших отношений с местными жителями.⁴⁶

На этот раз Нию Илеясу поручалось передать кашгарскому амбану полуофициальное письмо секретаря Иностранного департамента правительства Индии Лайалла (Lyll). Особое звучание визиту придавал тот факт, что в это время между Россией и Китаем возникли серьезные разногласия по поводу возвращения в состав Синьцзяна Илийского края, находившегося в течение десяти лет (во время правления Якуб-бека) во власти русских. Именно с этого вопроса начались 19 июля 1880 года переговоры Ния Илеяса с китайским наместником в Кашгаре. В своем отчете о миссии, Ний Илеяс сообщает следующее:

“Я воспользовался возможностью [возникшей при обсуждении Илийского вопроса] сказать, что в связи с тем, что британская граница находится теперь недалеко от русской границы, наше правительство будет всегда радо получать новости о русских передвижениях в этих районах; также, что, в связи с тем, что Англия и Китай будучи фактическими соседями, заинтересованными в том же предмете, нам следует помогать друг другу в этом деле; таким образом, что если он будет посылать мне в Ладах любые новости о важных перемещениях и т.п., о чем он может услышать, я буду делать то же самое с моей стороны; и я объяснил, что благодаря телеграфу, соединяющему Европу с Кашмиром, я иногда обладаю очень свежими новостями из России и Русского Туркестана...”⁴⁷

Разговор Ния Илеяса с амбаном длился два с половиной часа, но основным выводом британского посланника было все-таки то, что “главные чиновники приняли нас вежливо, только потому, что они хотели от Индии чего-то получить, а именно, - оружие”.⁴⁸

Хотя, как выяснил Ний Илеяс, договор 1879 года между Россией и Китаем не был ратифицирован, конъюнктура для индийской торговли в Каш-

45 Ibid., Sheet 12.

46 Morgan, *Ney Elias...*, pp.125-126.

47 RGS, Archives, *Ney Elias*, No. 7, 7 sketches, 1879 and 1880. Sheets 10, 11, 13.

48 Ibid., Sheet 15.

гории осталась в целом неблагоприятной. Российские купцы в Синьцзяне были частыми гостями, так же как и китайские в Русском Туркестане. В материалах миссии Ния Илеяса приводится подробное описание семи основных китайских торговых путей, ведущих в Россию и Центральную Азию.⁴⁹

3. ЭКСПАНСИЯ АФГАНИСТАНА И ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В 1882 году в Кашгар в соответствии с условиями Петербургского договора 1881 года прибыл российский консул Н.Ф. Петровский. К 1883 году эффект российско-китайского договора стал ощущаться в полной мере, и англо-индийская торговля не смогла конкурировать в Восточном Туркестане с русской.⁵⁰

К этому периоду относится возникновение в британских военно-политических кругах идеи о продвижении границ Афганистана до границ Китая в районе Памира. Впервые она была высказана генерал-квартирмейстером британской колониальной армии в Индии, сэром Чарльзом Макгрегором в 1884 году в секретном стратегическом исследовании вопросов обороны Индии и планов военных действий против России в Центральной Азии в случае возникновения крупного военного конфликта.⁵¹ Макгрегор, который как генерал-квартирмейстер являлся так же начальником Разведывательного департамента, призывал к исключительно прямолинейной и жесткой политике в Центральной Азии, частью которой он считал необходимость сомкнуть владения Афганистана и Китая на Памире и создать таким образом барьер на пути продвижения русских в направлении Индии. В попытке осуществления англичанами этой идеи значительную роль суждено было играть “историческим правам” Китая и Афганистана на памирские земли.

Разработка проекта Чарльза Макгрегора была одним из проявлений нового витка конфронтации Великобритании и России в Центральной Азии, вызванного прежде всего тем, что раздел между двумя империями в 1873 году сфер влияния в этом регионе практически не принимался во внимание правителями крупных государств (прежде всего Афганистана и Бухары), привыкших распоряжаться землями своих более слабых соседей на Памире по своему усмотрению. “В 1877 году - сообщает в своей справке сотрудник британского внешнеполитического ведомства Сэр Стюарт Бэйли, - Дарвазский район [княжество], который перед этим платил дань Бухаре, был переведен под непосредственное управление этого государства, которое, поступив таким образом, распространило свои границы на британскую сторону Окса. В 1883 году провинции Шугнан и Рошан, которые ранее платили дань Бухаре, были приведены под прямое управление эмира Аф-

49 Ibid., Sheet 16: “Sketch of Chinese trade routes to Russia and Central Asia.”

50 IOLR, MSS, Eur. F 112/398, p.14.

51 IOLR, V. 15054, RL. 144. C.M. MacGregor, “The Defense of India.” Confidential. (Simla, 1884), pp.119-122.

ганистана".⁵² Российские власти немедленно отреагировали на это явное нарушение англо-русской договоренности 1873 года. 29 декабря 1883 года Британскому Посольству в Санкт-Петербурге был передан официальный меморандум с протестом российского правительства по поводу вторжения афганцев в Шугнан и просьбой повлиять на эмира Афганистана, с тем, чтобы он вывел свои войска из аннексированных районов. В меморандуме, в частности, сообщалось следующее:

“Княжество Шугнан и Рошан, которое погранично не только Бухаре, но и российской провинции Фергана, всегда наслаждалось независимым существованием, и, хотя оно не избежало последствий революции, которая разыгралась однажды в этой части Центральной Азии, в нем никогда не прекращалась администрация местных правителей. С другой стороны оно не входит в число провинций, которые признавались частью владений эмира Афганистана по соглашению, достигнутому между Россией и Англией в 1873 году, и это обстоятельство служит лучшим доказательством того, что завоевание Шугнана ханом Бадахшана является актом беззакония и возмутительным нарушением условий указанного соглашения, которое может привести к росту непонимания и осложнениям между Бухарой и Афганистаном. Желая предотвратить подобные осложнения, Императорский Кабинет твердо убежден, что Великобритания, со своей стороны не будет оставаться безразличной к положению вещей, которое угрожает основам соглашения, достигнутого в 1873 году между двумя государствами, соглашения, которое сильно способствовало установлению мира на десять лет в этой части Центральной Азии. При сложившихся обстоятельствах, Императорский Кабинет надеется, что в соответствии с условиями этого соглашения, Правительство Ее Величества Королевы использует все свое влияние для того, чтобы убедить эмира Кабула вывести из Шугнана и Рошана афганского лейтенанта и гарнизон, находящиеся сейчас в Княжестве и навсегда оставить все попытки вмешательства в его дела”.⁵³

Англичане, конечно, хорошо понимали, что действия эмира Афганистана и его бадахшанского наместника противоречили договоренности с Россией, достигнутой в 1873 году, поэтому вице-король Индии, сразу же по получении российского официального протеста по поводу завоевания Шугнана и Рошана, обратился к эмиру Афганистана с требованием приказать правителю Бадахшана эвакуировать войска с левого берега Аму-Дарьи. В ответ на это, 24 марта 1884 года эмир заявил следующее: “Действуя на основании доброго совета Вашего Превосходительства, я немедленно после получения Вашего письма, написал губернатору Бадахшана, строго наставляя его убрать его войска с этой стороны реки, если Рошан расположен на другой ее стороне”.⁵⁴

Мир Бадахшана в своем ответе утверждал, что в действительности Рошан и Шугнан расположены по обоим берегам Окса, и афганский эмир, поддер-

52 IOLR, MSS, Eur. F 111/113. Official reports and notes...: “Notes by Sir Steuart Bayley on the Pamir Question and the North-East Frontiers of Afghanistan,” Sheet 316.

53 IOLR, MSS, Eur. F 111/144. Printed official correspondence respecting Central Asia...Correspondence with Russia respecting Central Asia. Sheets 439 backside - 440: Sir E. Thornton to Earl Granville, St.Petersburg, 31 December 1883.

54 IOLR, MSS, Eur. F 111/113. Sheet 317.

живая позицию своего вассала, направил Правительству Индии *грубую карту, иллюстрирующую эти соображения*.⁵⁵

Министерство иностранных дел Великобритании не спешило с ответом на российское официальное послание, и лишь поле повторного настоятельного напоминания российского МИДа (от 23 июня 1884 г.) о недопустимости сохранения создавшегося на Памире положения, посол Великобритании в России Сэр Е. Торнтон направил российскому министру иностранных дел барону де Гирсу следующую депешу:

“В ответ я уполномочен заявить Вашему Превосходительству, что Правительство Ее Величества очень стремится пойти навстречу пожеланиям Императорского Правительства в установлении спокойствия на Шугнан-Дарвазской границе, но представляется, что эмир Афганистана рассматривает Шугнан и Рошан в качестве части Бадахшана, который был формально объявлен в 1872-73 гг. принадлежащим Афганистану. Однако информация, которой пока обладает Индийское Правительство, недостаточна для того, чтобы позволить ему заявить определенное мнение по этому вопросу. Но Правительство Ее Величества было бы счастливо рассмотреть эту проблему вместе с Российским Правительством, и направить Комиссионера для проведения исследования на месте совместно с русским и афганским Комиссионерами”.⁵⁶

Таким образом англичане пытались связать эту проблему с активно проводившимися в то время работами по формированию смешенной Комиссии по делимитации северо-западной границы Афганистана (за пределами Памира).

Российское правительство сочло такой ответ уклонением от главного вопроса и твердо настаивало на строгом соблюдении границы по Оксу в соответствии с соглашением 1872-73 гг. В своем письме чрезвычайному и полномочному послу Великобритании в России Сэру Е. Торнтону, барон М. де Гирс следующим образом разъясняет российскую позицию:

“...Я должен заметить, господин Посол, что нерешительность Правительства Ее Величества высказаться по вопросу, составляющему суть вышеупомянутого Меморандума Императорского Министерства, заставляет меня предположить, что доводы, содержащиеся в этом документе, не были оценены по их истинному достоинству, так как в противном случае Правительство Ее Величества немедленно бы признало, что притязания Эмира Абдуррахман Хана были несовместимы с Соглашением, достигнутым между Россией и Великобританией в 1872-73 гг. В соответствии с депешей Лорда Гранвилля лорду Лофтусу, датированной 17 октября 1872 г., северную границу Бадахшана и Вахана, которая также является границей Афганистана, составляет течение реки Окса (Пянджа) от озера Сариккуль на востоке до точки его соединения с рекой Котча. Провинции Шугнан и Рошан, которые не упомянуты в названной выше депеше, расположены вне этой линии границы и это обстоятельство предоставляет вполне достаточное свидетельство того, что притязания эмира Абдуррахман Хана на обладание названными выше районами и завоевание их правителем Бадахшана находятся в противоречии с Соглашением 1872-73 гг. Более того, я не считаю излишним напомнить Вам, господин Посол, что в период переговоров, которые предшествовали Соглашению, Императорское Правительство высказывало сомнения в обоснованности прав эмира Шер Али Хана на Бадахшан и Вахан, что информация

55 Ibid., Sheet 318.

56 IOLR, MSS, Eur. F 111/144. Sheets 463 backside.

собранная на сей счет Генерал-Губернатором Туркестана, противоречила результатам исследований, проведенных по приказу Британского Правительства, и что многие признаки указывали на то, что эти два района полностью независимы от Афганистана. Императорский Кабинет согласился воздержаться от этих возражений лишь из желания выразить уважение к пожеланиям Великобритании".⁵⁷

Российская сторона полагала, что направление смешенной комиссии для делимитации границы имеет смысл лишь в том случае, если она в своих действиях будет строго руководствоваться соглашениями 1872-73 гг. и при условии безотлагательного вывода афганских войск из Шугнана и Рошана. Англичане в принципе согласились с этими предложениями, но считали необходимым для окончательного решения пограничного вопроса создать трехстороннюю комиссию.⁵⁸ Однако, на том этапе, комиссия создана не была, а Россия и Англия, оставив вопрос о Шугнана и Вахане открытым, занялись более актуальной на то время проблемой делимитации и демаркации северо-западной границы Афганистана.

На Памире англичане взялись за воплощение в жизнь плана Макгрегора, для чего им прежде всего было необходимо решительно активизировать географические и военно-стратегические исследования приграничных с Памиром районов. Первой акцией такого рода была предпринятая летом 1885 года британская военная съемка территории, протягивающейся от Читрала до Хунзы и далее на восток. Главной из ее задач было исследовать перевалы, ведущие на север по направлению к верховьям Окса, и раз и навсегда установить - предоставляют ли эти перевалы возможность противнику проникнуть в британские индийские владения. Экспедицией руководил полковник Уильям Локхарт (William Lockhart) - квалифицированный офицер из Разведывательного департамента генерала Макгрегора, который впоследствии стал главнокомандующим британскими вооруженными силами в Индии. Его сопровождало еще три офицера, пять пундитов и военный эскорт. Летом 1885 и в первые месяцы 1886 года партия Локхарта произвела съемку 12000 квадратных миль ранее совершенно неисследованной территории за северными границами Индии. В результате этих работ, полковник Локхарт установил, что опасения британских военных по поводу возможности использования этих районов и, особенно, перевала Барогил для крупномасштабного русского наступления, были во многом беспочвенны, так как памирские перевалы зимой полностью закрывались снегом, а в летнее время многочисленные реки становились бурными потоками, которые было невозможно форсировать крупным войсковым подразделением с артиллерией. Лишь на короткий период весной и осенью этот район становился более или менее доступным для небольших военных отря-

57 Ibid., Sheets 466, M.de Giers to Sir E. Thornton. Ministry of Foreign Affairs, Asiatic Department, 23 June 1884.

58 Ibid., Sheet 473 backside.

дов, но даже в эти сезоны для передвижения войск с техникой предварительно потребовалось бы строительство специальных дорог.⁵⁹

Несмотря на выводы полковника Локхарда, англичане не хотели видеть Памир в руках русских, и для воплощение в жизнь плана Макгрегора им было необходимо иметь своего постоянного представителя в Кашгаре. Именно с этой целью в 1885-1886 гг. в Восточный Туркестан снова был направлен *политический агент по особому поручению* Ний Илеяс. Как было показано выше, английский политический агент уже имел (в основном негативный) опыт общения с синьцзянскими властями и был весьма хорошо осведомлен о состоянии дел в Восточном Туркестане. В качестве представителя Индийского правительства в Лехе он занимался непрерывным сбором информации от путешественников, пребывавших из всех концов Центральной Азии и, особенно, из Кашгара и Яркенда. Наиболее постоянным и эффективным информантом Ния Илеяса был шотландский торговец Эндрю Далглейш (Andrew Dalglish), непрерывно путешествовавший между Лехом и Кашгаром и поставлявший англичанам сведения о положении в приграничных районах и действиях русских. Следует заметить, что перед отправлением миссии Ния Илеяса, Эндрю Далглейшу властями Кашгара было приказано покинуть раз и навсегда пределы Синьцзяна, что англичане были склонны трактовать, как происки российского консула Петровского. Позже шотландский торговец и разведчик был убит при очередной попытке пройти в Яркенд.⁶⁰ Афганец-убийца Далглейша был англичанами идентифицирован, и в течение целых двух лет его преследовали по всей Центральной Азии старшина и два сипая Индийской армии, которые в конце концов настигли его в Самарканде, где афганец предпочел покончить с собой, нежели быть выданным английским властям.⁶¹

Основные цели миссии Ния Илеяса были сформулированы в следующей инструкции Правительства Индии от 26 мая 1885 года: (1) Улучшить политические отношения Правительства Индии с китайским провинциальным правительством в Туркестане; (2) Устранить, насколько это возможно, ограничения, наложенные теперь на индийскую торговлю в этой стране; (3) Наблюдать за движениями русских внутри и вокруг районов, на которые распространяются действия миссии; (4) Исследовать Афганские территории Верхнего Оксуса.⁶²

В дополнительной инструкции от членов миссии требовалось “приложить все старания для определения, насколько это возможно, признанных границ между этими районами (Ваханом и Шугнаном) и русскими и китайскими владениями в верховьях Оксуса и вблизи них”.⁶³

59 Hopkirk, *The Great Game...*, pp.433-434.

60 Hopkirk, *The Great Game...*, pp.435-436, 451.

61 Morgan, *Ney Elias...*, p.228.

62 IOLR, MSS, Eur. F 112/378: *Confidential Report of a Mission to Chinese Turkistan and Badakhshan in 1885-86 by N. Elias, political agent on special duty. With a Route Map* (Calcutta: Printed by the Superintendent of Government printing, India, 1886), p.1.

63 Ibid., p.3.

В обстановке повышенной секретности миссия отправилась из Индии 26 мая 1885 года, причем Ний Илеяс был единственным европейцем в ее составе, а всех членов экспедиции снабдили не дипломатическими, а обычными паспортами лиц, *путешествующих для собственного удовольствия и удовлетворения любознательности*. С Нием Илеясом были следующие туземцы-сопровождающие: (1) перс Маулви, в качестве “мунши” [т.е. - секретаря и переводчика - А.П.]; (2) индус фельдшер, откомандированный медицинским департаментом; (3) китайский “писец”, предоставленный Генеральным Консульством в Шанхае [получивший образование в Гарвардском университете Цень-Лайсун (Tseng Laisun)]⁶⁴ и, впоследствии - (4) турок-переводчик, или караван баши, временно нанятый в Ладаке для части пути.⁶⁵

14 сентября 1885 г. Илеяс прибыл в Яркенд, где сразу же стало ясно, что миссия обречена на неудачу, так как центральное правительство фактически запретило яркендскому амбаню заключать какие-либо сделки с англичанами. По наблюдениям Илеяса, местные китайские власти считали, что даже с одним имеющимся у них европейским консулом (русским) достаточно хлопот, а допущение второго лишь удвоит неудобства. Информант Илеяса говорил, в частности, что “Русский консул... никогда не устал задавать каверзные вопросы и, казалось, рассматривал себя в качестве главного начальника в стране; все западные [европейцы] одинаковые; и какова гарантия того, что, если когда-либо будет допущено, чтобы английский представитель обосновался в стране, он не будет проводить такой же курс и не сделается столь же неприятным, как русский?”⁶⁶ Кроме того отрицательное отношение к установлению английского консульства по мнению Илеяса очень стимулировалось антианглийскими настроениями центрального правительства Китая. Английский специальный агент считал, что местным властям были предписаны совершенно определенные правила поведения в отношении его миссии. В частности, он сообщает по этому поводу следующее:

“Несомненно, что при первом же объявлении о миссии из Индии, был определен сценарий, который должен был четко показать не только нам, но и всем зрителям, что наше присутствие было нежелательным и что наши дружеские шаги должны быть отвергнуты, а для воплощения этой политики в жизнь были использованы те же самые лица, которые преуспели в 1880 году в обеспечении властей способами сведения к нулю результатов моей миссии... Политика, которую они теперь осуществляют по отношению к нам в этой стране, определяется любовью к изолированности, характерной для желтых рас, их ненавистью и подозрением ко всем западным народам, и их опасением оскорбить более опасного их соседа на севере”.⁶⁷

Оставив на совести Ния Илеяса его расистские сентенции, следует заметить, что в отношении последнего аспекта, т.е. опасения испортить отно-

64 Morgan, *Ney Elias...*, p.149.

65 IOLR, MSS, Eur. F 112/378, p.4.

66 Ibid.

67 Ibid., pp.5-6.

шения с Россией, идя на сближение с англичанами, власти Синьцзяна по видимому догадывались об антирусской направленности миссии, и их догадки полностью подтверждаются проектами английского колониального правительства Индии, которое мечтало использовать армию Восточного Туркестана против России. Ний Илеяс, считавший эти проекты непрактичными, следующим образом описывает их сущность:

“Предполагалось также, что с китайским правительством можно договориться о том, чтобы поставить все или часть их вооруженных сил под командование британских офицеров для операций против Русского Туркестана, или, может быть, центральное правительство в Пекине предоставило бы нашему правительству право ставить под ружье китайскую армию в Новом Владении [Синьцзяне]”.⁶⁸

Миссии не удалось выполнить ни одной из поставленных перед ней политических задач, и раздосадованный Ний Илеяс 28 сентября отправился из Яркенда на Памир для выяснения вопроса о государственной принадлежности памирских земель. В Яркенде амбань предложил Илеясу конвой из 50 солдат и двух проводников, чтобы доставить его к озеру Ранг-Кулю, где, по его словам, “китайцы содержали внешний пограничный пост”. На расстоянии едва-ли дюжины миль от Каравая английский эмиссар не нашел каких-либо признаков китайской юрисдикции, как-будто он перешел в страну под другим правительством”. “От Джизака [Ghijak] и далее, - рассказывает в своем отчете Ний Илеяс, - не было никаких признаков китайского присутствия в течение всего моего путешествия, и нет нужды подчеркивать, что утверждения амбана о существовании китайского поста на Ранг-Куле оказались лишенными каких-либо оснований. И все-таки китайцы претендуют на эту территорию, местное население признает эти притязания и, до настоящего времени, никто из соседей не оспаривал их, но пример, приведенный выше, показывает на какое расстояние простирается их истинная юрисдикция [т.е. - не далее Сарыкола - А.П.]”.⁶⁹ Говоря о памирских киргизах, Ний Илеяс отмечает, что “на Восточном Памире они кажутся вполне довольными быть под китайской властью, так как они чувствуют, что она немногим более чем номинальная и что фактически они предоставлены почти полностью сами себе”.⁷⁰

Для нашей темы несомненный интерес представляет восстановленная Илеясом история похода китайцев в 1759 году на Памир и его комментарии по этому поводу. Английский политический агент пишет в своем отчете о миссии правительству Индии следующее:

“Случай, когда китайский отряд (в 1759 г.) однажды пересек Памиры до границ Шугнана, был преувеличен некоторыми авторами настолько, что они утверждали, что Бадахшан был завоеван китайцами и присоединен таким образом к Китаю. На самом деле, по моему убеждению произошло следующее. Когда китайцы оккупировали Кашгар и свергли калмыцкую династию, два ходжи с большим отрядом калмыков и некоторым количеством

68 Ibid., p.9.

69 Ibid., p.18.

70 Ibid., p.22.

драгоценностей бежали из Кашгара по пути через Гэз [Gaz], намереваясь укрыться в Балхе. Китайский отряд под началом некоего Ка-Та Цзена, обычно известного в этих краях под именем Сакал-амбань, или “Бородатый амбань”, был направлен в погоню и преследовал беглецов до Яшиль-Куля в западной части Аличур-Памира. Здесь он начертал что-то на камне и вернулся в Кашгар. Ходжи и их спутники беспрепятственно прошли Шугнан и достигли Аргу ниже Фейзабада, где были атакованы миром Бадахшана Султан Шахом и взяты в плен. Султан Шах разграбил отряд, обезглавил вождей [ходжей], калмыков обратил в рабство, и его мотивом был обыкновенный грабеж, а отнюдь не страх перед китайцами, которые никогда не отваживались проходить в населенные районы Шугнана и которые, более того, возвратились в Кашгар задолго до того, как ходжи прибыли в Аргу...”⁷¹

На озеро Ранг-Куль (или “Озеро всех цветов”, как это название было переведено местными жителями) миссия Илеяса пришла 11 октября 1885 года и разместилась в ауле Курмуши Бека - правителя киргизов Ранг-Куля и Ак-байтала, который был по отношению к путешественникам вежлив, но подозрителен, и поначалу наотрез отказался дать им проводника без приказа китайцев. В конце концов, однако, Илеясу удалось с помощью лести и подарков получить у киргизского старейшины не только проводников до долины Гунта, но и массу полезных сведений. В своем отчете Илеяс подчеркивает, что отношения Курмуши Бека с китайцами “представляются весьма эфемерными, однако он и его народ весьма боятся их. Он направляет ежегодно небольшую дань в Кашгар, и лишь один раз после оккупации китайцами [Кашгара] был посещен китайским чиновником, который приехал наблюдать за ходом русской экспедиции 1883 года. Этим чиновником был, как мне кажется, некто Янь [Yang], аксакал мусульманин города Яркенда, который прошлой весной был направлен к границам Хунзы, чтоб принять от имени Китая альянс, предложенный Кунджутским ханом. Янь не только отобрал у киргизов Ранг-Куля все добро, которое только смог увезти, но, как патетически прибавил бек, уморил его ребячески-глупыми вопросами с утра до ночи, так, что в конце концов беку пришлось притвориться больным, чтобы избежать общества китайца. Он и его народ, сказал он, могут вынести грабежи, так как грабить своих подданных это функция всех правителей во всем мире, но другие притязания превосходят пределы всех признанных обычаев”.⁷²

Находясь на Ранг-Куле, Илеяс получил у местных киргизов сведения о том, что они считают районы вблизи большого Кара-Куля и перевала Кизил-Джиик русскими территориями. Не зная о заключении Новомаргеланского протокола 1884 года, по которому была определена граница России с Китаем на севере Памира (до перевала Узбель), Ний Илеяс пишет далее в своем отчете, что все киргизы утверждают положительно, что их люди в долине Кизил-Джиика являются китайскими подданными и находятся под властью бека, который платит дань в Кашгар. Они никогда не слышали о том, что русские предъявляют права на эти районы. Все информанты Илеяса

71 Ibid., pp.23-24.

72 Ibid., pp.24-25.

сходились на том, что перевал Кизил Арт в хребте, протягивающемся с запада на восток между Кара-Кулем и Алай-Памиром является русской границей и что русский столб был построен на вершине перевала, чтобы отметить эту границу. Отметки такого рода не существует на юге хребта. При этом русские не брали налогов с обитателей южных склонов Алайского хребта и брали с северо-алайских киргизов. Подобную же информацию Ний Илеяс получил, проходя по Мургабу, где он встретил группы киргизов, выпасавших свой скот на Кударе и направлявшихся в Рошан для покупки зерна. Эти киргизы подтвердили данные, полученные экспедицией на Ранг-Куле.⁷³

Как видно из официального отчета Илеяса, в период его экспедиции практически не ощущалось эффекта действия Новомаргеланского протокола, и информанты английского специального агента оставались в полном неведении о разграничении северной части Памира между Китаем и Россией. Таким образом Илеяс, по сути дела, собирал информацию о былых взаимоотношениях памирских киргизов со своими соседями, о взаимоотношениях, которые никак не могли свидетельствовать о какой-либо постоянной зависимости киргизов от их более могущественных соседей.

Сложную ситуацию застала миссия Илеяса на Аличуре, где было выяснено, что все киргизы, кочевавшие по долинам левобережья Мургаба, были собраны по приказу китайцев на правом берегу Мургаба. Причины такого развития событий изложены в отчете Ния Илеяса следующим образом:

“Во времена шугнанских миров [т.е. - до завоевания Шугнана Афганистаном - А.П.] киргизы, которые жили за левым берегом Мургаба платили дань Шугнану. Когда афганцы отобрали страну у Юдифа Али в 1883 году, они потребовали [с киргизов] обычную дань, которая была им выплачена. Но в это время китайцы, опасаясь общего продвижения афганцев и будучи уверены в том, что киргизы пригодятся для противостояния этому продвижению, направили бека из Кашгара с приказанием собрать всех киргизов на линии Мургаба, подчеркивая таким образом, что Мургаб является китайской границей. Позже я убедился, что Мургаб от Ак-Таша вниз по течению рассматривается всеми в этом районе, включая афганцев, как граница между китайской территорией и провинциями Шугнана и Вахана. Таким образом этот акт китайцев, практически показывающий что они считают своей границей, должен рассматриваться как весьма важный для такого района как Памир, где все границы так плохо определены. Более того, в настоящий момент это неоспариваемая граница, так как афганцы признают ее и, насколько можно судить по их действиям, кажется согласны принять ее как линию, которую древняя традиция рассматривала как предел их таджикских провинций. Однако они никогда не вступали в фактическое владение какими-либо пунктами на левом берегу и не предпринимали никаких действий, которые могли бы свидетельствовать о том, что они рассматривают Мургаб, как нечто более важное нежели “теоретическую” границу. В действительности, ни один афганский чиновник, насколько мне известно, не показывался за линией оседлых кишлаков Рошана, Гунта, Шахдары [Shakhudara] или Вахана в течение тех двух лет, когда эти провинции были во власти афганцев”.⁷⁴

73 Ibid., pp.25-26.

74 Ibid., pp.28-29.

Ний Илеяс недаром наводил такие детальные справки о принадлежности памирских земель соседним сюзеренам: главной его задачей было наметить такой раздел этой территории, который исключал бы возможность проникновения на Памир русских. В этой связи он считал целесообразным поддержать установление границы между китайскими и афганскими землями по Мургабу. В заключительной части своего отчета Ний Илеяс формулирует рекомендации по разделу Памира, сводящиеся к тому, что для Англии наиболее желательным представляется не оставить ни одного участка ничейной земли между афганской и китайской территориями, так как любой такой участок будет вести прямо с русской территории в направлении проходов в Читраль и в любой момент может быть занят русскими или их подданными. При подготовке такого раздела Ний Илеяс считал необходимым использовать противоречия, вражду и взаимное недоверие существовавшие между основными крупными государствами региона - Китаем и Афганистаном. В частности, он рекомендует воспользоваться тем, что, по его наблюдениям, китайцы боятся афганцев больше, чем русских. Его суждения по этому поводу сводятся к следующему:

“Если верить всем сообщениям, китайцы испытывают даже больший страх перед Афганистаном, нежели чем перед Россией. В Яркенде мне сообщили, что в течение последних трех или четырех лет они направили нескольких секретных агентов (обычно бадахшанцев) в бадахшанские провинции, чтобы они сообщали о силах афганцев, их передвижениях и замыслах. Судя по всему эти агенты сообщали, что афганцы многочисленны и воинственны, а китайцы, не имея с ними дипломатических отношений, в отличие от русских, с которыми у китайцев эти отношения были установлены, не знают чего ожидать и боятся, что в любой момент афганцы могут совершить какое-либо агрессивное движение, или использовать какую-нибудь возможность для того чтобы затеять ссору...; благоприятное влияние на наши отношения с ними [китайцами] может оказать их знание о том, что при необходимости мы можем натравить на них афганцев. Здесь я могу упомянуть, что имея ввиду возможность такого развития событий, я несколько раз, при удобном случае, во время своего краткого пребывания в Яркенде, распространялся о военной мощи афганцев и о их тесном альянсе с Правительством Индии. Китайцы рассматривают все иностранные государства, вне зависимости от их силы и мотивов, как врагов, а в обычаях варваров всегда бояться больше врага-варвара, нежели цивилизованного противника. Таким образом, я предсказываю решительное улучшение в наших отношениях с [восточно-]туркестанскими властями в том случае, если нам удастся убедить китайцев, что Правительство Индии более или менее руководит афганской внешней политикой и что военные движения, агрессивные или иные, со стороны афганских правителей находятся в значительной мере под британским влиянием”.⁷⁵

Ситуация, которая возникла на Аличуре, из-за вмешательства Китая рассматривалась Нием Илеясом как явно нестабильная и нарушающая сложившийся хозяйственный уклад киргизов. Представители аличурских киргизов просили даже Илеяса походатайствовать за них перед кашгарскими властями, запрещавшими им всякие сношения с Шугнаном. “Оказалось, - пишет Ний Илеяс, - что от киргизов требовалось не только жить внутри

75 Ibid., pp.29-30.

линии, но им также запрещалось иметь какие-либо сношения с афганской территорией”.⁷⁶ Этот запрет китайцев был особенно болезнен для киргизов в связи с тем, что они пользовались плодами трудов шугнанских земледельцев и ремесленников для пополнения запасов зерна, одежды и т.п. Рассуждая по этому поводу, Ний Илеяс очень метко замечает, что “Базарный раздел [т.е. - раздел рынков сбыта] (если позволительно употребить этот термин) на Памирах в большинстве совпадает с [природным] водоразделом и может быть помещен между Малым Кара-Кулем и Ранг-Кулем... Так, жители Ранг-Куля, Ак-Байтала и Мургаба естественно обращаются за продуктами в Шугнан, в то время как с Малого Кара-Куля, Караташа, Тагармы и т.д. - к Кашгару. Естественно, что нарушение китайцами традиционных обменных связей вызывало враждебность киргизов и они этим летом послали депутацию к Сардар Абдулла Хану, правителю Бадахшана, чтобы выяснить, как их примут афганцы, в случае, если они порвут связи с Китаем. Сардар выразил согласие принять их”.⁷⁷ Следует заметить, что обращаясь к Бадахшану, памирские киргизы “выбирали из двух зол меньшее”, ибо от своих шугнанских соседей они получали в прошлом не только продукты сельского хозяйства, но и множество неприятностей, так как правители долинных княжеств Памира нередко использовали беззащитных кочевников высокогорий в качестве живого товара для рынков работорговли. По этому поводу Ний Илеяс сообщает следующее:

“Время от времени, по мере возникновения спроса на рынке работорговли, организовывали “чапаусы”, или набеги на Аличур или Ранг Куль Памир и забирали столько годных для продажи голов киргизов, сколько они могли с прибылью продать в соседних странах. Даже жители деревень долин Гунда и Шахдара в Шугнани, сами всего-лишь рабы своего мира, после сбора летнего урожая, имели привычку совершать грабительские набеги на Памир, где они отбирали у киргизов, в пределах их досягаемости, овец, лошадей, шерстяные изделия, - короче все, что попадало под руки, за исключением самих людей. Последнее [т.е. - памирские киргизы] были “королевской монополией” Шугнанского государства, и подданные мира не осмеливались ими торговать. Киргизы редко могли чувствовать себя в безопасности, за исключением тех периодов, когда миры были заняты войной с соседним государством; и, возможно самым роковым для них стал тот день, когда сестра последнего мира Шаха Юсуфа Али была выдана замуж (около 1870 года) за Якуб Бека Кашгарского. Этот альянс с могущественным беком дал дополнительную силу и престиж Шугнану, а также повлек за собой частые миссии через Памиры в Кашгар, каждая из которых более или менее принимала форму набега на любых киргизов, которых можно было застигнуть по дороге”.⁷⁸

Следует заметить, что правители Шугнана имели весьма давние традиции работорговли, причем в число жертв этой “отрасли экономики” попадали не только памирские киргизы, но и подданные Шугнанских князей таджики-земледельцы. Ний Илеяс выяснил, что уже в 1780-х годах основателем активной работорговли стал “Шах Ванджи... - первый мир Шугнана, кото-

76 Ibid., p.30.

77 Ibid., p.32.

78 Ibid., p.33.

рый продавал своих подданных в зарубежные страны; и его три прямых потомка показали себя достойными последователями, поддерживая эту практику в течение почти сотни лет... Все эти поколения начиная с Шаха Ванджи были работоторговцами, и, - добавляет Ний Илеяс, - я не смог найти в стране каких-либо признаков того, что они были чем-либо иным: результаты этой экономики, основанной на работоторговле - сломленный народ и наполовину разоренная страна - являются единственными оставленными ими памятниками".⁷⁹

Заключая рассмотрение акции Китая против мургабских киргизов, Илеяс делает вывод о нестабильности сложившейся ситуации и действия китайцев называет *детской затеей*.

Помимо изучения вопроса государственной принадлежности киргизов Аличура и других долин левобережья Мургаба, Ний Илеяс специально интересовался вассальными связями Рошана и Шугнана в прошлом с Бухарой или Дарвазом и не смог найти никаких следов того, что они когда-либо был под властью этих владений. И все-таки он отмечает, что "Тубзар Хан, однако, проинформировал меня, что когда он взял в плен шаха [Рошана] Юсуфа Али, он нашел среди его бумаг документы, которые показывали, что Юсуф Али постоянно имел привычку провозглашать себя зависимым [tabeah] от соседних правителей. Кроме этого эмир Афганистана, эмир Бухары, хан Коканда, Бадаулет Кашгара и другие правители по очереди получали письма от мира Шугнана, уверявшие их в его от них зависимости. По моему мнению, - продолжает Илеяс, - ни одно из этих писем не было более чем жестом вежливости, или самое большее - выражением доброй воли или комплиментом экстравагантного рода, часто применявшимся такими людьми. Он не мог быть подданным их всех, хотя возможно всем платил дань, что нередко является обычной практикой среди мелких азиатских правителей, которые желают задобрить более сильных соседей".⁸⁰ Последняя цитата из официального отчета Ния Илеяса лишний раз подчеркивает, насколько сложную ситуацию обнаружил английский политический агент на Памире, причем совершенно очевидно, что главным выводом из всех приведенных данных могло быть признание фактической независимости в обозримом историческом прошлом всех памирских княжеств с возникновением иногда иллюзорных даннических отношений с соседями.

Британские аналитики, поставившие своей целью собрать доводы в пользу отмены российско-британской договоренности 1872-73 гг., пытались использовать недостаточность географических знаний о Памире, которыми обладали договаривавшиеся стороны в период обсуждения разграничения сфер влияния двух империй. Одним из перспективных направлений дальнейших дискуссий с русскими англичанам, в этой связи, представлялась возможность доказать, что главным руслом Аму-Дарьи является не Пяндж, а Мургаб. Детальное изучение этого вопроса требовало проведе-

⁷⁹ Ibid., pp.46-48.

⁸⁰ Ibid., pp.45-46.

ния специальных полевых географических исследований. Эти исследования, которые возможно являлись первыми в своем роде, также были весьма тщательно и объективно осуществлены Нием Илеясом во время его экспедиции 1885 года. Английский политический агент, имевший, как отмечалось выше, значительный опыт в географических исследованиях во время своих путешествий в Китае и Монголии, и на этот раз проявил недюжинные знания природных закономерностей, весьма квалифицированно выполнив достаточно сложные гидрологические исследования, о которых он рассказывает следующее:

“Благодаря политической сложности, преданной районам верхнего течения Окса Русско-английским соглашением 1873 года, важным вопросом является: какую из рек - Мургаб или Пяндж - следует рассматривать в качестве главной реки... В отношении Бартанга, или Нижнего Мургаба требовалось исследовать два главных момента: (1) можно ли доказать, что этот поток имеет больший объем [расход] чем Пяндж и, таким образом, является главным течением Окса (как это утверждалось, мне кажется, одним из туземных исследователей [пундит Мунши]); и (2) насколько некоторые из проходов, ведущих из долины Дарваза Яз Гулум, могут рассматриваться в качестве удобных дорог в Рошан. На основании исследований в месте слияния, которые я смог провести на пути туда и обратно, наведя справки среди местных жителей Вамара относительно колебаний [водоносности] двух рек в течение года, а также на основании измерений проведенных при преодолении обеих рек верхом на небольшом расстоянии в месте их слияния, я смог убедиться в том, что Пяндж несет значительно больший объем воды, нежели Мургаб. Общий вывод, к которому я пришел, сводится к тому, что в этот сезон самого низкого уровня, Мургаб имеет несколько менее половины расхода Пянжда. Главные ледники, питающие первый (Кашала Якх) расположены значительно ближе к слиянию, чем те, которые питают Пяндж. Это также более узкий поток, чем Пяндж, и имеет более крутое ложе - большее падение на милю от ледниковой зоны питания вниз по течению. Два первых обстоятельства вызывают большее различие в объеме между летом, когда ледники тают, и зимой, когда они заморожены, [эти различия] бывают настолько велики, что летом на короткий период в течение июля и августа, расход Мургаба возможно почти равен расходу Пянжда в той же точке, но после этого он быстро уменьшается до зимнего уровня, который (как отмечено выше) менее чем половина расхода Пянжда. В то же время уровень Пянжда не поднимается и не падает в такой же степени, и сам по себе этот факт в горной стране характерен для главной реки в противоположность притоку (N.B. - Из трех параметров - ширина, глубина и скорость - первый больше у Мургаба летом и у Пянжда зимой; второй всегда больше у Пянжда; и третий всегда больше у Мургаба). Если туземный исследователь, который первым высказал теорию о том, что Мургаб является главной рекой, видел место слияния в июле или августе, его ошибка может быть частично объяснена”.⁸¹

Таким образом полевые исследования Ния Илеяса показали, что “географические доводы” не могут быть использованы для доказательства необходимости пересмотра условной границы сфер влияния России и Великобритании, согласованной в 1873 году.

По итогам миссии Ния Илеяса в Управлении Главного топографа Съёмки Индии была составлена в 1886 году совершенно секретная карта *Путевой*

81 IOLR, MSS, Eur. F 111/329: Colonel E.R. Elles, Assistant Master General, Intelligence Branch, *Routs from Russian Territory in Central Asia towards Afghanistan and India. Section 1. - The Pamir Line of Advance...* (Simla: Printed at the Governmental printing office, 1893), p.36.

набросок путешествия на Памире и в районах Верхнего Оксуса Ния Илеяса, политического агента (масштаб 12 миль в дюйме) (Рис. 2).⁸² Эта карта является первым картографическим отображением планов Британии по разделу Памира между Китаем и Афганистаном; граница Китая на ней показана проходящей по Мургабу и далее - на север. На карте Илеяса нанесен также путь его экспедиции, пролегающий от Сасык-Куля на Аличур, далее - на Карасу, Мургаб, Акбайтал, Карасу, перевал Субаши и перевал Кара-Таш. О том, насколько старательно скрывали англичане свои планы раздела Памира, свидетельствует, помимо грифа секретности, следующее специальное примечание на карте: "По приказу Министерства иностранных дел содержание этой карты должно рассматриваться как абсолютно строго конфиденциальное и она должна оставаться в использовании того офицера [которому передана для работы] и по миновании надобности он должен возвратить ее Регистратору Управления Главного топографа в Калькутте".

4. Ф.Е. ЯНГХАЗБЭНД И ПОИСК "ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВ"

В 1889 году начал свои исследования Памира Ф.Е. Янгхазбэнд. Хотя его работы имели определенное значение для расширения географических представлений об этих недостаточно изученных районах, но главной их целью было установление на Памире власти Афганистана и Китая для предотвращения присоединения Россией памирских земель.

В этот период снова начались переговоры между Англией и Россией по поводу установления северной границы Афганистана. Средства массовой информации Великобритании всячески подогревали антирусские настроения рассуждениями о якобы грозившей опасности вторжения России в Индию. Выражением этой компании было появление в 1870 - 80-х гг. целого ряда исторических изысканий, доказывавших давнее стремление России к завоеванию Индии,⁸³ а также картографических произведений, иллюстрировавших конфликт.⁸⁴ Наиболее последовательно и полно официальная точка зрения правительственных кругов Великобритании была изложена для широкой публики в публикациях лорда Джорджа Кёрзона, из которых две статьи в журнале *Девятнадцатое столетие* ("Новая научная гра-

82 Map Library, British Library, n. 50325. (17.): *Route Sketch of a Journey in Pamir and Upper Oxus regions by N. Elias Political Agent.*

83 См., например: George de Lacy Evans, *On the Practicability of an Invasion of British India* (London, 1878); Eugene Sachuyler, *Turkestan. Notes of a Journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja*, 2 vol. (New York-London, 1876); Fischer, *Afghanistan and the Central Asian Question* (London, 1878).

84 Johnston's *War Map of Afghanistan, showing the North-West Frontiers of India, and part of the Southern boundaries of Russia in Asia with a map of Central Asia, and chart of the World* (Edinburgh and London, 1878); W. and K. Johnston's *Map to elucidate the Afghanistan boundary question with inset map, showing the encroachment of Russia to India* (London, 1892).

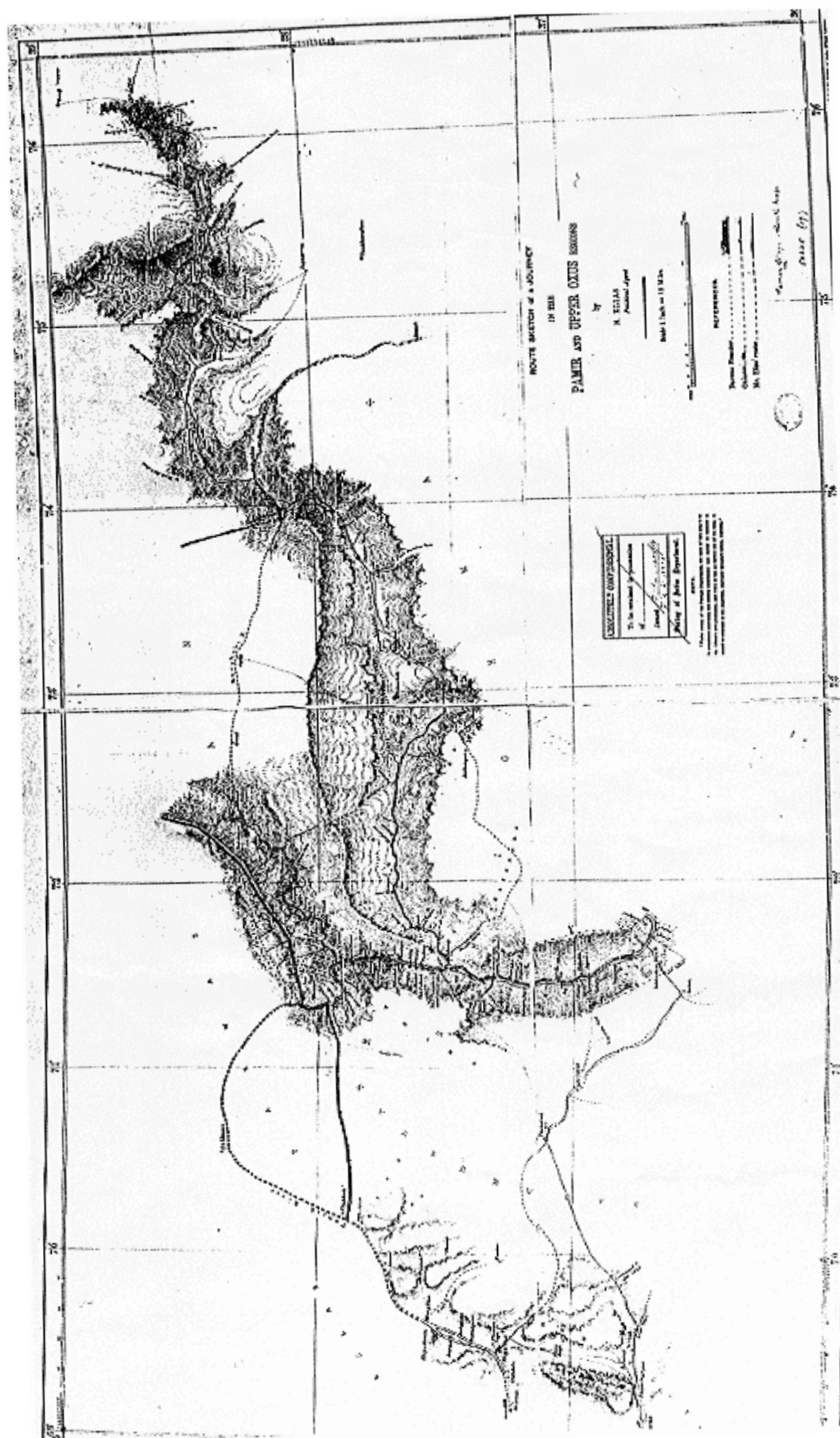

Рис. 2. Составленная по итогам миссии Ния Илеяса в Управлении Главного топографа Съёмки Индии в 1886 году совершенно секретная карта "Путевой набросок путешествия на Памире и в районах Верхнего Оксуса Ния Илеяса, политического агента" (масштаб 12 миль в дюйме).

ница Индии" и "Ненаучная граница России в Азии")⁸⁵ наиболее ярко вывешивают для нас отличия между теми реальными данными, которые имелись в распоряжении колониального правительства Индии, и сведениями, предоставлявшимися британской общественности для подготовки ее к последующим шагам властей по осуществлению планов раздела Памира между Китаем и Афганистаном. По мнению Кёрзона в первой статье он смог доказать, что "научная граница, т.е. граница зафиксированная условиями - физическими, этнографическими, политическими или географическими, либо комбинацией этих условий, которые достаточны для того, чтобы придать ей некие черты определенности и постоянства была недавно достигнута совместными усилиями государственных деятелей и солдат, которые ответственны за оборону Индийской Империи. В практическом приложении к северо-западным границам Индии, выражение "научная граница" на деле означает линию границы, вычерченную на внешней стороне проходов через горы, ограждающие долину Инда, в противоположность линии, исключаящей эти проходы из Британской территории".⁸⁶ Далее лорд Кёрзон показывает, что территория российских владений в Центральной Азии не достигла подобного рубежа и обречена на расширение. Его суждения по этому поводу сводятся к следующему:

"История последних двадцати лет показывает, что Россия была вовлечена, частично по своей собственной воле, иногда против нее, в одно завоевание за другим, до тех пор, пока она оказалась обладательницей империи, которой позавидовал бы Александр [Македонский] и которая затмила империю Тамерлана".⁸⁷

Ссылаясь на высказанное М.Н. Пржевальским мнение о возможности разрешения споров с Китаем с помощью военной силы, Джордж Кёрзон считает, что в процессе своего дальнейшего роста Россия неизбежно присоединит Кашгарию. Довольно верно и детально описывая границы России с Цинской империей в Центральной Азии, британский политик вполне резонно считает, что направлением дальнейшего продвижения русских будет Памир, на что указывает, по его мнению, в частности "серия ежегодных так называемых научных экспедиций".⁸⁸ Кёрзон полагает, что аннексия Памира нужна русским для того, чтобы находиться поближе к проходам в Индию, причем он не скрывает от читателей, что согласно британско-русской договоренности 1872-73 годов, границей раздела сфер влияния двух империй была признана река Пяндж, но тут же, невзирая на хорошо известные ему данные исследований Ния Илеяса, британский политик внушает своим читателям, что главным течением Аму-Дарьи является не Пяндж, а Мургаб и, что, таким образом, граница согласованной сферы влияния Великобритании продвигается на север. Здесь лорд Кёрзон лукавит не только

85 George N. Curzon, "The New Scientific Frontier of India," *The Nineteenth Century* (1888), pp.1-17; Idem, "The Unscientific Frontier of Russia in Asia," *The Nineteenth Century* (1889), pp.1-17.

86 IOLR, MSS, Eur. F.111/19. 1882-1898, Articles and Essays. Sheet 195.

87 Ibid., Sheet 195 backside.

88 Ibid., Sheet 196 backside.

потому, что великолепно знает, какая на самом деле река является главной, но также по той простой причине, что скрывает от своих читателей еще одну, хорошо известную ему истину: постольку, поскольку название Пяндж было записано в договоренности 1872-73 гг., в рамках международного права не имело никакого значения, какая река является главной, так как в совместном российско-британском документе было указано конкретное название пограничной реки (Пяндж). В секретной справке 1891 года Сэра Стюарда Байли по этому поводу сказано следующее: “...Дискуссия [о том, какая река главная]... является чисто академической, так как соглашение, я полагаю, ясно обозначает Пяндж и его приток Реку Вуда в качестве предложенной границы”.⁸⁹

Лорд Кёрзон не скрыл от своих читателей тот факт, что агрессивные действия Афганистана против памирских княжеств и присоединение к его владениям Рошана и Шугнана были актами, нарушавшими договоренность Великобритании с Россией, и выходом из создавшейся ситуации было лишь изменение ключевых позиций этой договоренности, на что, как мы видели выше, Россия своего согласия не дала. Английский политик конечно не сообщил в своих статьях об одной из главных причин беспокойства правительственных кругов Великобритании: результаты многочисленных специальных исследований положения на Памире, проведенных английским колониальным правительством Индии, показывали, что, как сказано в конфиденциальной справке 1887 г. сотрудника разведывательного отдела Управления Генерала-квартирмейстера британской армии в Индии, майора Е.Г. Бэрроу, “афганская тирания посеяла семена восстания, и не найдется ни одного таджика на [территории] от Бадахшана до Большого Памира, который бы поднял палец для сопротивления русской агрессии”.⁹⁰

Итак, в правительстве Англии и колониальной администрации Индии в качестве основной действующей геополитической программы был принят на вооружение проект раздела Памирских земель между Китаем и Афганистаном генерала Макгрегора с конкретными уточнениями Ния Илеяса. В июле 1890 года британское колониальное правительство Индии предложило министерству иностранных дел Великобритании, “как часть общего соглашения с Китаем в этом направлении, начать переговоры, чтобы убедить Пекин установить свою власть на западе на Памирах, вплоть до Афганских пределов”.⁹¹ Тем же летом в Кашгарию и на Памир был снова направлен капитан Янгхазбэнд, которому даны от британского колониального правительства полномочия и инструкция “тщательно изучить всю страну вплоть до афганской и русской границ, для того, чтобы выяснить точные

89 IOLR, MSS, Eur. F 111/113, Sheet 325.

90 IOLR, MSS, Eur. F 112/383: *Gazette of the Afghan Provinces of the Upper Oxus*. Compiled (under the order of the Quarter Master General in India) by Major E.G. Barrow, Deputy Asst. Quarter Master General, Intelligence Branch (Simla: Printed by the Superintendent, Government Central Press, 1888).

91 IOLR, PSLEF, I/60, S.87, India, 14 July 1890: *Instructions to Younghusband*, p.961.

пределы распространения китайской власти. Предполагалось, что китайские посты могут отсутствовать на предельных границах территории, на которую, как полагают, распространяется их юрисдикция..." В случае, если Янгхазбэнд обнаружит, что так именно и обстоит дело, ему предписывалось "...постараться убедить китайские власти в необходимости усиления и фактического осуществления их оккупации, для того чтобы, если возможно, [после этого] не могло возникнуть оснований предполагать, что существует какой-либо участок невостребованной территории между афганскими и китайскими владениями".⁹² Янгхазбэнда сопровождал чиновник Политического (дипломатического) департамента Правительства Индии Джордж Макартни. Этому молодому дипломату, сыну английского секретаря Китайского посольства в Лондоне Сэра Холлидэй Макартни и маньчжурской княжны, с детства великолепно владевшему китайским языком, предстояло закрепиться в Синьцзяне и наладить там непрерывный сбор информации о приграничных районах и действиях России.⁹³ Джорджу Макартни суждено было прожить в Восточном Туркестане последующие 26 лет и лишь в 1911 году получить официальный статус генерального консула.⁹⁴

Янгхазбэнд постарался использовать для получения наиболее достоверной информации об истинном положении дел на Памире все доступные ему источники, круг которых, по счастливому для англичанина стечению обстоятельств, оказался достаточно широк и включал, как подлинные русские материалы (в частности - подробные сведения и карта, переданные ему российским путешественником Громбчевским), так и данные китайских официальных властей в сочетании с информацией, полученной путем непосредственных полевых исследований и расспросов местного населения самим Янгхазбэндом. Английский агент выяснил, что афганцы весьма стремились захватить Памир. В письме из Яркенда, датированном 15 сентября 1890 года, Янгхазбэнд сообщает по этому поводу следующее: "Я навел справки, почему афганцы хотели бы владеть киргизами и получил ответ, что киргизы обладают значительными стадами овец и крупного рогатого скота, и единственной причиной того, что афганцы не предпринимают решительных шагов для обеспечения своего господства над всеми Памирами, является их боязнь протестов со стороны русских или англичан, а может быть - тех и других".⁹⁵

Побывав на Аличур-Памире, Янгхазбэнд обнаружил там ситуацию, существенно отличавшуюся от той, которую наблюдал Ний Илеяс в 1885 году. Напомним, что тогда китайцы, опасаясь общего продвижения афган-

92 Ibid.; IOLR, MSS, Eur. F 197/70. Younghusband. Miscellaneous papers...Sheet 10.

93 Подробнее о Джордже Макартни см.: С.Р. Skrine and P. Nightingale, *Macartney at Kashgar. New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890-1918* (London, 1973).

94 Morgan, *Anglo-Russian Rivalry...*, p.169.

95 IOLR, MSS, Eur. F 111/113, Official reports and notes...*Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential (6131), 1890-1891. Captain Younghusband to Mr. Cuningham, Yarkand, 15 September 1890, Sheet 164.*

цев, применили излюбленную ими с давних времен тактику переселения приграничных племен на территории, примыкающие к их непосредственным владениям. Аличурские киргизы были переселены за линию Мургаба, что в тот период трактовалось англичанами, как провозглашение Мургаба западной границей китайских владений на Памире. Изменившуюся ситуацию Янгхазбэнд описывает следующим образом: “Китайцы, оправившись от страха перед афганским наступлением, сняли свои требования чтобы киргизы жили внутри линии Ак-су (Мургаба), и теперь я обнаружил, что они утвердили свою власть на Аличур-Памире... В действительности же степень зависимости памирских киргизов от китайцев весьма мала, они не платят налогов непосредственно им, но лишь поставляют небольшой походный налог их старейшине, который назначен китайцами и получает от них в добавок небольшое содержание зерном, мукой и рисом. Такова страна и таков народ, чью принадлежность стало столь важно определить: страна пустынная и непродуктивная, а ее немногие обитатели - бедные и невоинственные. Однако, как афганцы, так и китайцы демонстрируют решимость предъявлять притязания на Памиры - последние потому, что считают, что их престиж пострадает, если они позволят отдать кому-либо еще любой народ или страну, которые когда-то принадлежали им, и первые, как представляется, чисто из любви к агрессии - для того чтобы добавить еще несколько квадратных миль к уже и без того обширным землям его величества эмира”.⁹⁶

Оценивая возможности афганцев и китайцев, Янгхазбэнд приходит, однако, к выводу о том, что наибольшую опасность для интересов Англии представляет Россия.

По поводу организации китайцами “охраны” своих “памирских владений” Янгхазбэнд пишет следующее:

“Когда я следовал из Яркенда на Памиры, у Ташкурмана меня встретил старший пограничный чиновник, который сообщил, что ему приказано даогаем Кашгара сопровождать меня по границе и показать мне пограничные посты и, так как в последствии я обнаружил, что он с готовностью давал мне исчерпывающую информацию, описание линии границы, которое я сейчас представляю, может, мне думается, рассматриваться настолько точным, насколько это возможно было выполнить. Мои расспросы в Яркенде уверили меня в том, что китайцы претендуют на все территории Памиров, населенные киргизами, но по прибытии на место я обнаружил, что это не совсем так и что, хотя китайцы претендуют на господство над большинством памирских киргизов, они однако предпринимают отдельные попытки удержать их в определенных границах, и на местности имеется вполне четкая признанная пограничная линия. Начав на Малом Памире, я обнаружил, что “караваль”, т.е. - пограничный пост был установлен в Ак-Таше, и для места, о котором говорилось, что это “пограничный пост”, я ожидал найти небольшой форт или огороженное поселение, или, по крайней мере - хоть несколько солдат; но я не нашел ничего подобного; все, что я увидел - это несколько юрт, поставленных на равнине в

96 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. Inc. 8 in No. 4 - Captain Younghasband to the Government of India. Kashgar, 23 November 1890, pp.16-17.

долине Ак-су; из этого, а также из моих последующих наблюдений, я понял, что на Памирах “караваль” означает лишь место пребывания бека, и ни в одном случае я не обнаружил ни форта, ни солдат киргизских или китайских. В трех местах (Робати-Ак-таш, Акчах-таш, Бурзалла [Robati-Ak-tash, Akchahtash, Burzilla]), однако были небольшие глиняные строения, называвшиеся “гумбаз”, которые служат указанием пребывания местного бека, но эти строения расположены не на фактической границе. Относительно этих “каравалей” я могу также заметить, что ни один чиновник китайской национальности не пребывает постоянно ни в одном из этих внешних пограничных постов, все из которых вдоль афганской границы находятся под управлением местного чиновника (родом из Бадахшана), который сопровождал меня. Этот человек имеет своей резиденцией Тагарму, а ближайшего чиновника китайской национальности невозможно обнаружить западнее подножий гор, окаймляющих Кашгарскую равнину, вдоль которых расположена серия внутренних “каравалей”. Однако подразумевают, что внешние пограничные посты должны посещаться китайскими чиновниками ежегодно, но эти проверки проводятся нерегулярно, и чаще всего чиновник проверяет границу лишь в своем воображении.

В Ак-таше я поинтересовался у пограничного чиновника и местного бека о точной точке соприкосновения афганской и китайской территорий на Малом Памире. В ответ меня проинформировали, что определенно сказать, где кончается китайская власть невозможно, но что она конечно не заходит за Малое Памирское озеро...

Подойдя к следующему “каравалю” на реке Исли [Isligh] в восточной оконечности Большого Памира, я обнаружил, что положение здесь столь же неопределенно, как и в Ак-таше: и пограничный чиновник, и местный бек не имели общего мнения относительно того, где в действительности находился “караваль” - бек утверждал, что он располагался при слиянии рек Исли и Ак-су, а чиновник - что он размещался двенадцатью милями выше по реке Исли; относительно истинного положения пограничной линии я получил такую же неопределенную информацию, сказано было лишь, что она наверняка не заходила за Большое Памирское озеро [озеро Сарыкуль, современное - Зоркуль] (Вуд, открывший озеро, говорил, что китайская власть начиналась там). В обоих случаях они были склонны претендовать даже на меньшие территории.

Оставив Большой Памир и отправившись в направлении Аличур-Памира, я обнаружил более хорошо определенную границу. Снежный горный хребет отделяет западную часть двух Памиров, и мне сказали, что граница проходит по водоразделу этого хребта до перевала Кой-тезек [Koi-Tezek]. Граница затем формируется водоразделом между Яшиль-Кулем и Тагуз-булаком [Taguz-bulak]. Я обнаружил, что два новых “каравалья” были выставлены в прошлом году китайским чиновником по имени Чан, который проводил инспекцию этой части границы и зафиксировал положение “каравалей”, построив “гумбазы” в Бурзиле и Акчахташе. Яркендский амбань сказал мне, что Джошангаз [Joshangaz] в долине Шакхдарра [Shakhdarra] принадлежит Китаю, но чиновники на месте не выдвигали таких притязаний, так как это место расположено на афганском берегу Тогуз-булака...

Когда я проходил озером Яшиль-Куль мне показали в месте под названием Соматаш (Суматаш или Саманташ), расположенном на восточной оконечности озера, древний форт, который, говорят, был построен в давние времена китайцами и фрагменты двух табличек, с надписями на китайском, маньчжурском и туркменском языках, рассказывающими как китайцы нанесли поражение войскам некоего Джахангира и преследовали их до “Бадахшанской границы”. Существование этого форта важно, как свидетельство того, что китайцы оккупировали это место ранее и, так как это место было посещено в прошлом году упомянутым ранее китайским чиновником Чаном, я полагаю, что оправданно можно заключить, что китайцы имеют законные права на него. Правда в момент моего визита место было не населено, но мне сказали, что обычно зимой оно занято киргизами с Аличу-

ра, и в такой редкозаселенной стране трудно ожидать, что население может быть здесь обнаружено во все времена года.

Соматаш, однако, не представляет крайних пределов территории, которую киргизы относят к Китаю, и мне было сообщено пограничным чиновником, что действительная граница проходит на некотором расстоянии от этого места в местности под названием Бурграмал [Burgramal] - около четырех миль за западной оконечностью озера Яшил-Куль. Но страна в этом направлении совсем не населена... Ближайший афганский форпост находится в Сардима [Sardim], но местность, называемая Лангар, расположенная несколько выше, иногда занята несколькими [афганскими] семьями.

Что касается страны к северу от Аличур-Памира, мне сообщили, что самая нижняя [по течению] точка на Мургабе, которую китайцы считают своей это Мадиян [Madian], за ней долина реки совершенно невозможна для использования... К северу от Мадияна пограничная линия проходит по хребту, разделяющему бассейн Ак-Байтала от потоков, впадающих в Сасык-Куль. Не делается никаких попыток притязаний на территории к западу от этого хребта, так как считается, что они принадлежат Шугнану. На перевале Тыук-су [Tuuyuk-su] (известном у местного населения под названием Ак-байтал) заканчивается русская граница, и если во время поездки Илеяса были какие-то сомнения относительно того, действительно ли русская власть распространяется до этой точки, теперь полностью признано, что страна, орошаемая водами, стекающими в Большой Кара-Куль, принадлежит России.

Описанную границу я показал на карте, приложенной к письму. Карта русская, но так как я проверил ее на месте и нашел ее вполне точной для всех требующихся сейчас политических целей, я счел наилучшим использовать ее для иллюстрации этого письма, скорее чем откладывать отчет до того времени, пока я отделаю собственную съемку. Я могу отметить, что памирская часть этой карты базируется на съемках, проведенных русской экспедицией 1883 года, члены которой обследовали этот район во всех направлениях вплоть до афганских постов”.⁹⁷

Здесь Янгхазбэнд имеет ввиду Карту Верховьев Аму-Дарьи (масштаба 30 верст в дюйме, издания 1886 г.), два экземпляра которой ему передал Б.А. Громбчевский (Рис. 3).⁹⁸ Эта карта широко использовалась Янгхазбэндом во время его переговоров с представителями китайских провинциальных властей, а также, как свидетельствует приведенный выше отрывок из официального отчета английского эмиссара - в качестве рабочего документа колониального правительства Индии для решения вопроса о разграничении Памира между Китаем и Афганистаном. Граница, которая была основой переговоров Янгхазбэнда с Яркендским амбаном, показана на экземпляре карты, хранящимся в Библиотеке и Архиве Правления Индии Британской библиотеки.⁹⁹

97 Ibid., pp.16-20.

98 Фрагмент экземпляра, хранящегося в Картографической коллекции Королевского географического общества. RGS, Map Collection, USSR (Asiatic), S.19.

99 IOLR, Maps, C.2. Другой экземпляр карты Громбчевского с нанесенным им собственноручно маршрутом его путешествия по Памиру хранится в Картографическом отделе Королевского Географического общества (Лондон): RGS, Map Room, USSR (Asiatic), S. 19. [Grombchevsky's Route 1888-89].

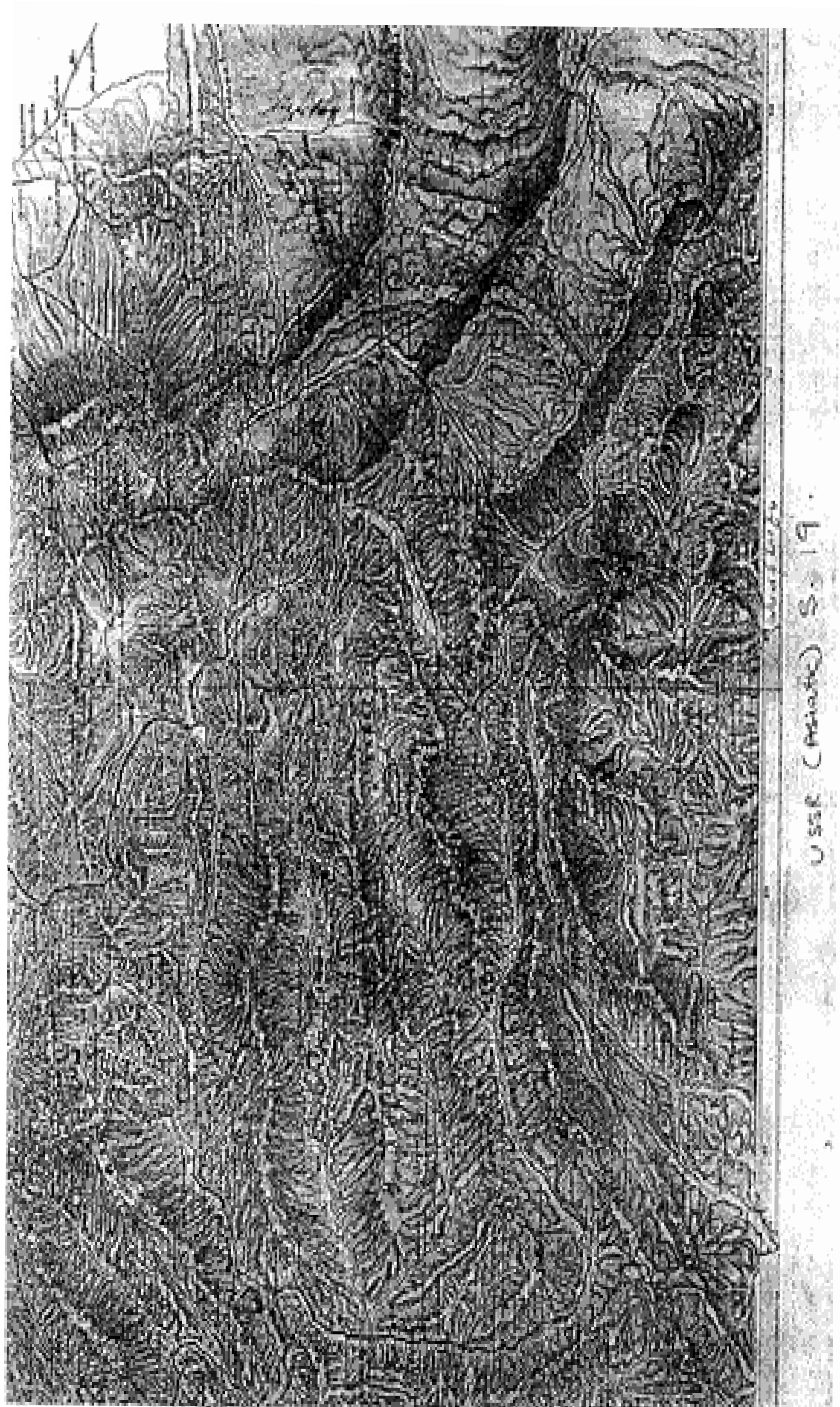

Рис. 3. Карта Памира, переданная Б.Л. Громбчевским Френсу Янгхазбэнду

5. Роль Б.А. Громбчевского

Б.А. Громбчевский оказался неожиданным союзником Янгхазбэнда в его стремлении создать между владениями Англии и России полосу китайских и афганских земель на Памире. Помимо весьма значительных географических и топографических работ, выполненных Б.А. Громбчевским, большое внимание этот исследователь уделил вопросам принадлежности памирских земель в прошлом и, соответственно, выявлению “исторических прав” соседних государств на эти территории. Детали его работ такой направленности до недавнего времени были неизвестны и исследованы нами по документам, обнаруженным в Библиотеке и Архиве Правления Индии Британской библиотеки, Архиве Королевского Географического общества (Лондон, Великобритания) и в Архиве Русского Географического общества (г. Санкт-Петербург). В этом важном геополитическом вопросе Громбчевский сыграл весьма отрицательную для России роль, проведя с китайцами несанкционированные никем переговоры, основной целью которых было убедить их в “исторических правах” Китая на памирские земли. Мотивы российского офицера, выполнявшего миссию, подобную порученной Янгхазбэнду, но только в интересах России, не ясны. Скорее всего в то время ему, так же как и его британскому коллеге, казалось желательным создать пояс иностранных земель между владениями двух империй.

В связи с важностью отмеченных аспектов для нашей темы, перейдем к более подробному их рассмотрению.

Прежде чем обратиться к сведениям, содержащимся в дневниках Б.А. Громбчевского, служивших нашим основным источником, заметим, что его путешествия пришлись как раз на тот период, когда китайцы, всячески поощряемые англичанами, предпринимали попытки в какой-либо форме установить свою юрисдикцию на части памирской территории. Роль Англии в таком развитии событий была до поры до времени неведома Громбчевскому.

С китайским проникновением на Памир Б.А. Громбчевский столкнулся уже во время своего первого путешествия (1888 г.). Так, в районе реки Мургаб “китайские [т.е., по-видимому считавшие себя подданными Китая - А.П.] киргизы отказывались что-либо продать [Громбчевскому] из опасения наказания. Проводник отпросился домой и как кажется поехал оповестить пограничного Китайского Бека о нашем приезде”.¹⁰⁰ Б.А. Громбчевский встретился с Курумчи Беком, который уговаривал путешественника дожидаться разрешения кашгарских властей на следование далее. Курумчи Бек явно опасался за свою судьбу в случае, если Громбчевский его не послушается и пойдет дальше, так как в прошлом, по его словам “китайцы сослали Мулла

100 Архив Русского Географического общества (РГО), Фонд 45, опись 2, №2: “Б.А. Громбчевский. Копия дневника с правкой автора экспедиции Географического общества в 1888 г. в Канджут и Раскем”. Лист 21.

Касыма за то, что тот не сообщил о приходе Памирской экспедиции 1883 года”.¹⁰¹ В районе Ак-Таш Рабата Громбчевский встретился с местным правителем Тохта Магомед Беком, который был пожалован китайцами в первый чин и “отрекомендовал себя китайским чиновником (манабдор) и правителем местного населения...”¹⁰² Приблизительно определяя границы распространения объявляемой таким образом китайской юрисдикции, Громбчевский отмечает, что “оз. Чакмактын-Куль находится в пределах Китая, а границей считается перевал Чиль-об, а на Памирах Аличуре, Большом и Малом, а также по Мургабу афганских отрядов нет и китайские киргизы беспрепятственно кочуют совместно с афганскими киргизами”.¹⁰³

По материалам своего путешествия в Канджут и Раскем Б.Л. Громбчевский создал фотоальбом, хранящийся в настоящее время в Архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. В этом альбоме имеется фотография *Памирский таджик. Китайский караул-беги на урочище Ак-Таш*.¹⁰⁴

Во время путешествия 1889-1890 гг. Б.Л. Громбчевский записал целый ряд местных легенд, в которых, в частности отразился исторический факт проникновения в 1759 году китайских войск на Памир. Единственное сражение, произошедшее тогда у озера Яшиль-Куль, гипертрофировалось в народной памяти таким образом, что киргизы сообщали Громбчевскому, якобы “Яшиль-Куль был местом неоднократных битв между китайцами и ходжами, захватывавшими временно власть в Кашгарии...”¹⁰⁵, причем обычный путь бегства ходжей пролегал через озеро Ранг-Куль и по Мургабу. Подробно останавливаясь в своем дневнике на описании оставленного китайцами памятника Сома-Таша и других построек (*Кафыр-Кала*, или “крепостей неверных”), относимых им также к периоду китайского похода, Б.Л. Громбчевский, наряду с этим, отмечает, что на Памирах имеются бухарские строения, свидетельствующие о распространении владений Бухарского ханства на эти территории в прошлом. Так, он пишет, что восточнее того же озера Яшиль-Куль “стоит развалина Равата Абдуллы Хана (рават - заезжий дом), царствовавшего более 200 лет тому назад в Бухаре. Правитель этот оставил о себе хорошую память, настроив множество убежищ для проезжающих и цистерн с водою в местностях пустынных и безлюдных... Рабат на Аличуре, близ устья построен из камня (а не из жженого кирпича, как почти все Абдуллы Хановы постройки) и глины. Это куполообразная, круглая постройка с портиком впереди, пришедшая теперь в полуразрушен-

101 Там же, лист 22.

102 Там же, листы 30, 40.

103 Там же, листы 41, 35.

104 Архив РГО, Фонд 45, опись 1, №4: Альбом к путешествию Б.Л. Громбчевского в Канджут и Раскем в 1888 г., фото №16. В альбоме под №№82-83 значились фотографии под названием *Китайский пограничный знак Сумма-Таш близ восточного конца оз. Яшиль-Куля на Аличуре*; в настоящее время эти фотографии отсутствуют - А.П.

105 Архив РГО, Фонд 45, опись 1, №6: Дневник Б.Л. Громбчевского (1889-1890 гг.), лист 245.

Рис. 4. Остатки одного из раватов (домов для отдыха путешественников), построенных в окрестностях озера Яшилъкулябухарцами в 18 - начале 19 в. (Фотография 1984 года).

ный вид, но при незначительном ремонте еще могущая прослужить долго. По заявлению местных жителей, таких построек очень много по р. Аличур и на Памире”.¹⁰⁶ Заметим, что этот рават сохранился до сих пор (Рис. 4).

В урочище Каинды Аузы 11 октября 1889 г. Б.Л. Громбчевский встретился с британской экспедицией, возглавлявшейся капитаном Янгхазбэндом. Громбчевский и Янгхазбэнд провели по три астрономических определения координат урочища, связав таким образом английские и русские съемки. Меж-

ду русским и английским офицерами состоялось несколько бесед, причем, как пишет Громбчевский, “о поездке моей он [Янгхазбэнд] знал хорошо, причем показал мне письмо г. Венюкова, напечатанное в Известиях Лондонского Географического общества за март с.г. [1889 г.], в котором Венюков сообщает все подробности о моей поездке, заимствованные из моего письма к нему. Это большая нескромность со стороны М.И. Венюкова, так как я просил его не предавать гласности содержания моего письма”.¹⁰⁷ Следует заметить, что сетуя на Венюкова за нарушение конфиденциальности сообщенных ему сведений об экспедиции на Памир, сам Б.Л. Громбчевский совершил поступок, свидетельствующий о недостаточном понимании им характера миссии Янгхазбэнда и значения новейших картографических документов, ибо он, как отмечалось выше, передал английскому офицеру новейшую карту верховьев Аму-Дарьи с собственноручными полевыми пометками и исправлениями, использованную, англичанами в качестве главной основы проектирования раздела Памира между Китаем и Афганистаном. Заметим, что о передаче карты Янгхазбэнду Громбчевский не написал даже в своем дневнике.

В разговорах с английским офицером, Б.Л. Громбчевский подтвердил самые мрачные предположения Янгхазбэнда по поводу планов России в отношении британских владений в Индии. Российский офицер, возможно не без влияния значительного объема выпитой вместе с англичанином водки, уверял его в том, что в русской армии буквально все от генерала до рядового мечтают о походе на Индию, а для большей убедительности Громбчевс-

¹⁰⁶ Там же, листы 248-249.

¹⁰⁷ Там же, листы 417, 21-412.

кий даже вызвал к палатке своих казаков и спросил их, желают ли они участвовать в таком походе, на что получил восторженный утвердительный ответ, сопровождавшийся криками “Ура” и прочими выражениями боевого духа и патриотизма.¹⁰⁸

Новая встреча Громбчевского с Янгхазбэндом произошла 27-28 сентября 1890 года в городе Яркенде. Б.Л. Громбчевский в следующих словах описывает эту встречу: “Мы встретились сердечно. Капитан Янгхазбэнд через 6 дней направляется на Памиры, где пробудет два месяца, а на зиму приедет в Кашгар. Он очень интересовался Памирами и несколько сконфузился, когда я ему сказал, что в телеграмме северного агентства было, что он выехал из Симлы в Яркенд, с секретным поручением”.¹⁰⁹ Громбчевский установил, что “по-видимому дружба между англичанами и китайцами большая”, и во время обеда у Янгхазбэнда русский путешественник “несколько раз возвращался к поездке Янгхазбэнда на Памиры, но он отвечал очень осторожно, выставляя целью поездки пограничные столкновения афганцев с китайцами”.¹¹⁰

Следует заметить, что истинная цель миссии Янгхазбэнда уже была известна Громбчевскому из разговора, который состоялся у него с яркендским амбаном 29 августа 1890 года. В связи с важностью этого разговора для нашей темы, воспроизведем целиком дневниковую запись Б.Л. Громбчевского, посвященную этому событию.

“Среда, 29 августа 1890 г.

Сегодня мы обменялись визитами с амбаном. Это человек недалекий, но добрый. Он очень подробно расспрашивал меня о том, до какого места следует считать владения китайскими, и я поспешил уверить его, что афганцы никогда, с самых давних времен не владели Памирами, а англичане или кашмирцы Шахидулла-Ходжею, а потому все эти земли несомненно собственность китайцев. Все это я подтвердил картами. Амбань горько жаловался, что англичане не дают ему покоя. Видимо я попал на больное место, но амбань не проговорился о цели приезда Янгхазбэнда.

Перед отъездом амбань просил меня снять копию с нашей карты Памиров. Я отказался снять копию лично, не желая дать повод думать Янгхазбэнду, что я вмешиваюсь в политику, но предложил ему прислать Правителя Канцелярии, которому обещал помочь снять карту.

Перед вечером явился ко мне Правитель Канцелярии; я заставил его начертить в общих чертах Памиры, указал течение рек, перевалы и пр. Все это китаец украсил своими надписями, причем я твердо вбил ему в голову, что все земли по правую сторону Пянджа - неотъемлемая собственность Китая [подчерк мой - А.П.]. Закончив работу, я угостил китайца на славу, а затем подарил ему массу письменных принадлежностей, портфель, дорожный письменный прибор и все то, что не составляло для меня настоящей необходимости. Чернильная крыса растаяла от радости и в разговоре сообщила, что цель миссии Янгхазбэнда - разграничение Памиров. Сведение это очень важно: Памиры составляли всегда собственность Кокана и занятие их афганцами может серьезно нарушить интересы России”.¹¹¹

108 Hopkirk, *The Great Game...*, p.455.

109 Архив РГО, Фонд 45, опись 1, №6, листы 896-897.

110 Там же, листы 897-898.

111 Там же, листы 898-899.

Последняя фраза цитированного отрывка, бесспорно противоречащая тому, в чем убеждал китайцев Громбчевский, проливает однако некоторый свет на мотивы, которым руководствовался российский офицер, призывая китайцев фактически оккупировать Памир. Главным здесь было стремление не допустить афганцев, а значит и англичан на эту территорию, примыкающую к центральноазиатским владениям Российской империи. Англичане же, со своей стороны, по сути дела руководствуясь теми же соображениями, старались побудить афганцев и китайцев поделить между собой Памир, создав таким образом барьер на пути продвижения России в Центральной Азии. Во время своей последней встречи с Янгхазбэндом Громбчевский получил полное подтверждение этому, когда для того, чтобы добыть информацию о дороге на Памир англичанин “второпях” подал ему “подробную карту Памира и Индии, где в общих чертах красными чернилами намечена граница между Афганистаном и Китаем по хребту вдоль р. Аксу. Таким образом, - констатирует Громбчевский, - проект разграничения подтверждается”.¹¹² Вычерченная китайцами под руководством Громбчевского карта Памира была впоследствии распространена внешнеполитическим ведомством Китая и синьцзянским руководством в качестве официального издания (Рис. 5).¹¹³

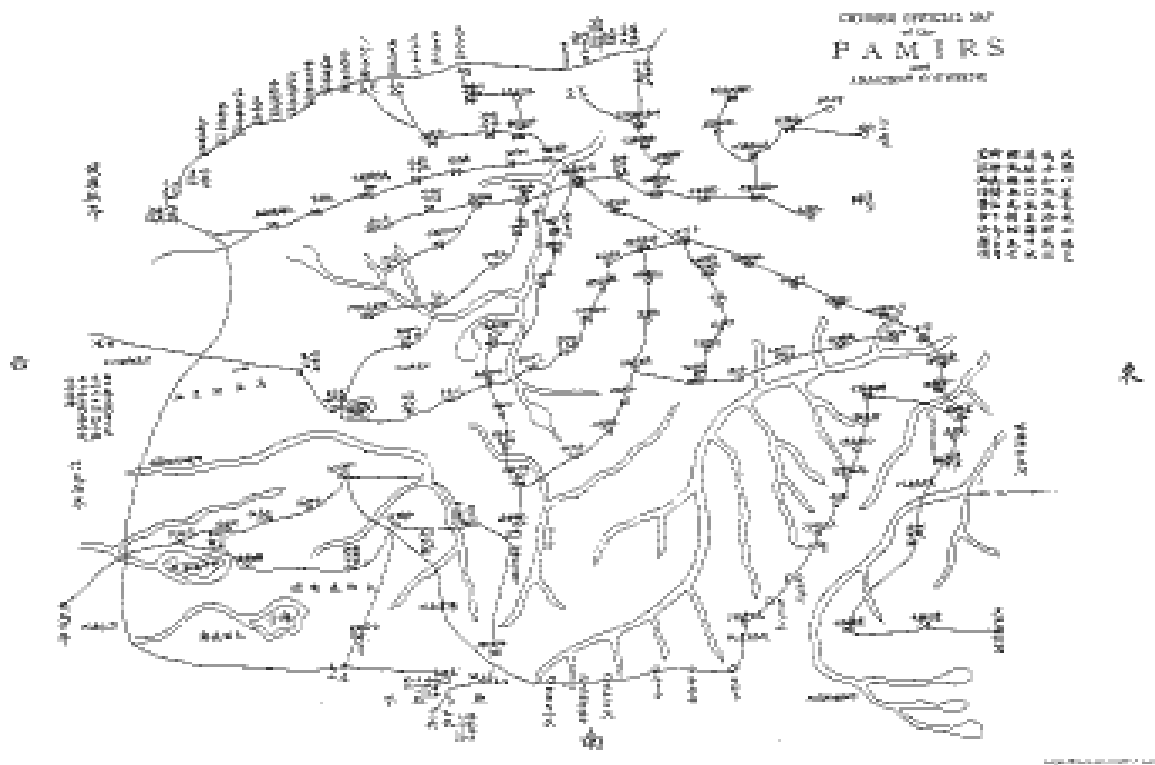

Рис. 5. Вычерченная китайцами под руководством Громбчевского карта Памира

¹¹² Там же, листы 900-901.

¹¹³ Копия этой карты была опубликована лордом Данмором в 1895 году в его книге: Danmore, Earl of., *The Pamirs. A Narrative of a Years Expedition on horseback and on foot through Kashmir, Western Tibet, Chinese Tartary, and Russian Central Asia*, Two Vols. (London, 1895). Reprinted in 1996 by Bhavana Books & Prints, New Delhi. *Chinese Official Map of the Pamirs and Adjacent countries*.

По возвращении из своих экспедиций, Б.А. Громбчевский написал подробную политическую справку: *Современное положение памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром*, где собрал все сведения о пребывании китайцев и афганцев на территории Памира в период, когда там работала его экспедиция. Так, он пишет, что в 1889 году его отряд не пошел через долину реки Ак-Су и Памиры, так как “экспедиция могла наткнуться на китайские сторожевые посты и подвергнуться новым задержкам”. Экспедиция Громбчевского неоднократно сталкивалась с последствиями вторжения афганских войск в Шугнан и Рошан, причем положение усложнялось вмешательством китайских беков. Так, Громбчевский неоднократно встречал группы беженцев из Шугнана, которые “горько жаловались на китайских беков, которые под различными предлогами задержали [их] на Аличуре до прихода китайских войск, безжалостно прогнавших их обратно к оз. Яшиль-Кулю. Знай беглецы, что китайцы не пустят их в Сарыкол, они силою просили бы чрез Ак-Су и были бы давно в пределах России, избегнув гибельной встречи с афганским отрядом”.¹¹⁴

Положение на Аличуре и у озера Яшиль-Куль Громбчевский описывает следующим образом: “У оз. Яшиль-Куль мы очутились в нейтральной полосе между китайскими постами, расположенными на верховьях р. Аличур, начиная от урочища Баш Гумбез и кордонами афганских войск, растянутыми по р. Сучан и среднему течению рр. Шах Дарьи и Гунт”.¹¹⁵

В районе озера Булюм-Куль китайцы даже помешали в какой-то степени выполнению программы экспедиции. Б.А. Громбчевский рассказывает об этом инциденте следующим образом:

“...вскоре после передвижения экспедиции к оз. Булюм Кулю явился посланец от начальника китайского отряда с предложением не останавливаться на нейтральной полосе, а перейти за кордон афганских войск, если я намерен посетить Афганистан. Требование это мотивировано было тем, что экспедиция находится в местности пустынной, что время теперь смутное, военное и что мы легко можем подвергнуться нападению голодных шаек шугнанцев или диких мародеров. Вместе с тем посланец заявил, что следом за ним идет отряд китайских войск, которым поручено присмотреть за тем, чтобы русские перешли в Афганистан или препроводить нас в Кашгарию. Так как поездка в Кашгар не соответствовала целям экспедиции, а вооруженное столкновение с китайцами было далеко не желательным, то мы поспешили через пер. Харчут спуститься в долину Большого Памира, где и остановились в ожидании ответа от афганцев”.¹¹⁶

Интересно отметить, что в Рошане Б.А. Громбчевский столкнулся с тем фактом, что местные жители помнят о соглашении между Россией и Англией 1873 года о разделе сфер влияния в Центральной Азии, о котором сам путешественник по-видимому не имел ни малейшего представления. Он пишет: “Чрезвычайно интересен факт, что местное население считает себя русскими подданными на основании какого-то договора, по которому

114 Архив РГО, Фонд 45, опись 1, №10: *Современное положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром*, лист 7.

115 Там же, лист 7 об.

116 Там же, лист 7 об. - 8.

русские отдали будто бы афганцам все земли по левую сторону р. Пянджа и оставили за собой земли правого берега, а следовательно и Рошан. Вера в этот договор совсем непоколебима”.¹¹⁷

Внимательное рассмотрение справки Б.Л. Громбчевского убеждает в том, что четкой картины политико-административного деления Памира и бывших его состояний у путешественника не сформировалось, в то время как у англичан уже в 1874 году по итогам миссии Форсайта памирские ханства рассматривались как самостоятельные, или зависимые в прошлом от Коканда. От Коканда зависели в отдельные периоды и некоторые киргизские роды, кочевавшие по Памиру. Еще более детальные сведения по этому вопросу были получены англичанами в период с 1880 по 1889 г., когда Великобритания организовала целый ряд полевых и камеральных работ специально для определения государственной принадлежности памирских земель.

О своих “дружеских беседах” с Янгхазбэндом и китайцами Громбчевский в официальных отчетах умолчал, так как по возвращении в Маргелан узнал, что российское командование приняло решение о присоединении памирских земель к своим владениям в Центральной Азии.

В наибольшей степени негативная (для России) роль этого известного российского путешественника в истории “Памирского вопроса” раскрывается из рассмотрения официальных документов миссии Янгзахбэнда. Так, в своем письме лорду Канингему из Яркенда от 15 сентября 1890 года, Янгхазбэнд сообщает:

“...для того, чтобы иметь русскую точку зрения о народностях Памира, я вчера спросил Громбчевского, кому, как он выяснил, принадлежат киргизы, и он ответил, что они считают себя китайскими подданными. Он сказал, что китайцы не берут с них налогов, в то время как они знают, что афганцы и русские будут брать, и поэтому, где-бы их не спросили, кому они принадлежат, они всегда говорят - китайцам. Я имел с Громбчевским также разговор о русской границе. Он сказал, что она в настоящее время не определена, но что русские практически не имеют администрации к югу от Алая даже на Большом Кара-Куле, который включен в русскую пограничную линию на картах. Эта информация Громбчевского имеет определенную цену, так как он лучший русский специалист по этому вопросу и путешествовал через Памиры как в прошлом, так и в этом году. Он дал мне великолепную русскую карту Памирского района [рассмотрена нами ранее - А.П.] - ту в действительности, которой он пользовался в своих путешествиях и которая имеет еще большее значение потому, что на ней отмечены пределы съемок различных русских экспедиций... Громбчевский сам сказал мне, что он проинформировал амбана о том, что киргизы Памира - китайские подданные”.¹¹⁸

Из своих разговоров с Громбчевским Янгхазбэнд сделал единственный возможный вывод, сводящийся к тому, что русские, “так же как и мы [анг-

117 Там же, лист 7.

118 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential (6131), 1890-1891. Inc. 8 in No. 4 - Captain Younghasband to the Government of India. Kashgar, 23 November 1890, pp.7-8; Captain Younghusband to Mr. Cuningham, Yarkand, 15 September 1890. Sheet 164-164 backside.*

личане] хотят, чтобы китайцы определенно установили свою власть на Памире, и, - добавляет Янгхазбэнд, - в то время, как мы боимся, что русские могут двинуться с прохода Туюк-су для захвата территории вплоть до Гиндукуша для того, чтобы ослабить наше влияние среди горных племен и в Кашмире, они, вероятно, в такой же степени боятся, что мы можем пойти с Гиндукуша или из Шугнана для присоединения территории вплоть до перевала Туюк-су для того, чтобы приблизиться к Фергане и быть в состоянии сеять смуту среди мусульманского населения этой провинции. Таким мне представляется наиболее вероятное объяснение настоящей ситуации, и, если оно справедливо, я считаю, что мы можем сами себя поздравить с теми действиями, которые были предприняты в течение последних нескольких лет на нашей северной границе, так как никто в этих краях не сомневается, что у русских были виды на Памир и Сарыкол, и русские подданные андижанцы говорят, что консул [России] в Кашгаре до сих пор совсем не признавал того, что китайская власть распространяется за каравали (пограничные посты), которые расположены в долинах к востоку от Памира".¹¹⁹ Следует заметить, что несмотря на сообщения андижанцев, в определенной мере противоречившие мнению о том, что русские, также как англичане хотят внедрения китайцев на Памир, у Янгхазбэнда были все основания сделать такое заключение из предоставленных ему Громбчевским данных, так как он полагал, что российский исследователь выражает таким образом официальную точку зрения своего начальства. И подтверждается справедливость такого умозаключения прежде всего тем, что Громбчевскому был хорошо известен характер миссии английского политического агента о чем, по свидетельству Янгхазбэнда, российский путешественник сам сообщил ему в Яркенде во время одного из совместных дружеских обедов. Янгхазбэнд пишет об этом следующее: "Громбчевский сказал, что он видел в одной из русских газет, что полковник Янгхазбэнд отправился в Яркенд с секретной миссией, (Это дело рук этого корреспондента гражданской и военной Газеты, и если бы его можно было бы наказать каким-либо образом, я был бы очень благодарен, так как он дал возможность русским подготовить для меня путь в эти места и настроить против меня народ). Громбчевский по-видимому считал, что он сам был причиной моего появления здесь, и сказал, что его визит в Хунзу в 1888 г. привел Дьюранда и меня туда в прошлом году, и намекнул, что его путешествие к кашмирской границе послужило причиной моего появления в Яркенде в этом году".¹²⁰

Сам Янгхазбэнд начал вести переговоры с яркендским амбаном весьма осторожно, отрекомендовавшись официальным чиновником, направленный министерством иностранных дел правительства Индии для обсужде-

119 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. Captain Younghusband to Mr. Cuninghame, Yarkand, 15 September 1890. Sheet 164 backside.

120 Ibid., Sheets 164-164 backside.

ния вопроса установления границы Кашмира и Восточного Туркестана. Затем он навел у амбана справки о том, какими официальными чиновниками управляется Памир, и был проинформирован главой местной администрации, что Сарыкол (который, по его словам, простирается до перевала Минтака) управляется им, а Памиры - даотаем Кашгара. Затем Янгхазбэнд пытался выяснить, находится ли Аличур-Памир под властью китайцев, но амбань ответил, что не имеет сведений о Памирах, так как они расположены вне его административной территории.¹²¹ Основным выводом, который английский политический агент сделал на основании всех добытых им сведений а также переговоров с китайцами было то, что для установления границы между Афганистаном и Китаем на Памире необходима фактическая оккупация этой горной страны китайскими войсками, к чему он китайцев всячески подталкивал.

6. Попытки создания “китайского буфера”

Вопрос о разграничении Памира был представлен Правительством Индии на обсуждение кабинета министров Империи со следующими комментариями: “Полученная информация, мы уверены, дает Правительству Ее Величества достаточные основания для достижения взаимопонимания с Китаем. Правительство лорда Лансдоуна поясняет, что хотя оно желает поощрять оккупацию китайцами территории Памира вплоть до афганских и русских пределов, но оно считает нежелательными какие-либо шаги со стороны Центрального правительства или Индийского правительства в направлении демаркации предложенной линии. Лорд Кросс согласен с этой точкой зрения и советует в случае, если китайское правительство признает линию границы, предлагаемую Правительством Индии, их следует убедить сделать оккупацию территории эффективной периодической посылкой кашгарских или яркендских чиновников на границу их владений на тех ее участках, где она встречается с русской и афганской территориями”.¹²²

В июне 1891 года в Разведывательном отделе Военного министерства была издана на английском языке карта, полученная Янгхазбэндом у Громбчевского, причем китайская граница на ней изменена в сравнении с той, которую предлагал Янгхазбэнд к югу от Ранг-Куля, оставленного в пределах Китая, она проведена по Ак-Байталу и хребтам до Малого Памира, “передавая”, таким образом, Аличур во власть Афганистана.¹²³ На этой карте нанесена также граница по русской ее трактовке, по-видимому полученной Янгхазбэндом у полковника Ионова, о чем речь пойдет ниже. Русский

121 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. Inc. 8 in No. 4 - Captain Younghasband to the Government of India. Kashgar, 23 November 1890, p.10.

122 Ibid., p.11, #4: “India Office to Foreign Office” (April 23).

123 IOLR, Maps, C.14: *Map of the Upper Oxus Region*. Intelligence Div. W.O. No.845. Lithd at the Intelligence Div. War Office, June, 1891.

вариант границы включает в состав России район Ранг-Куля, далее граница идет по Ак-су и верховьям ее правых притоков к Ак-ташу.

Изменение английской трактовки китайской границы на Памире объясняется очевидно тем, что на Аличуре, уже в период пребывания Янгхазбэнда в Восточном Туркестане, столкнулись интересы Китая и Афганистана, не поддерживать который Великобритания не могла. 18 ноября 1890 года Янгхазбэнд получил от даотая Кашгара письмо следующего содержания:

“Ши-ан, китайский даотай Кашгара пишет Янгхазбэнду, офицеру Британской Индии, путешествуя по делам.

Я прошу разрешения подтвердить, что Соматаш, расположенный на запад от Башгумбаза, уже давно был пограничным постом Кашгарской области. Древняя каменная табличка, которую можно видеть в этом месте и свидетельства людей подтверждают этот факт.

Вы сами, проходя недавно через Сома, без сомнения как следует расспросили об этом деле.

В настоящее время афганский командир с 11 вооруженными спутниками пересек границу и изгнал людей, отвечающих за китайский форт в Сома, и последние сообщили об этом деле мне.

Так как эти действия находятся в полном противоречии с договорными установлениями [в тексте именно так, и даотай в данном случае по-видимому пытается выдать “границу Янгхазбэнда” за окончательно установленную - А.П.], я теперь прошу, чтобы Вы принудили этих афганцев, которые с оружием в руках пересекли границу, вернуться в пределы их собственных границ, и чтобы Вы не позволили творить зло.

Я искренне надеюсь, что в дальнейшем каждая сторона сможет охранять свою границу, укрепляя таким образом узы дружбы между двумя странами”.¹²⁴

В своем ответе даотаю от 21 ноября 1890 года Янгхазбэнд подчеркнул, что во время его пребывания на Сома-Таше, последний был необитаем и что Правительство Индии до настоящего времени так и не имеет официального разъяснения Китая о пределах распространения его территории на Памире.¹²⁵

Весной 1891 года Янгхазбэнд принялся активно убеждать китайское провинциальное руководство осуществить эффективную оккупацию Памирских земель. В этих переговорах английский эмиссар широко использовал рекомендованную Нием Илеясом тактику запугивания китайцев русскими и афганцами. Секретарю Правительства Индии Янгхазбэнд докладывает следующее о своей встрече с кашгарским даотаем:

“Я сказал ему [даотаю], что генерал-губернатор Русского Туркестана собирается посетить границу этим летом и проинспектировать Иркештам и Алай, и что не исключено, что этот случай будет использован для того, чтобы послать войска на Памиры, потому что граница между Россией и Китайской территорией не была определена в этой части и так как киргизы Памиров родственны киргизам русской территории, русские могут счесть необ-

124 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. Inc. 8 in No.4 - Captain Younghasband to the Government of India. Kashgar, 23 November 1890, p.22.

125 Ibid., pp.30-31.

ходимым послать войска на Памиры, так же как мы были вынуждены направить войска в Шахидуллу.

Но, я сказал, афганцы воинственная раса, и если они увидят, что русские готовы закрепиться на Памирах и, если в то же время они поймут, что китайцы не предпринимают мер к решительной оккупации этого района, можно ожидать, что они продвинулись на Памиры, чтобы предвосхитить русских, так как они бесспорно будут считать, что имеют больше прав чем русские на этот район, на основании того, что воды Памира текут в Афганистан [?! - А.П.].

Даотай ответил, что русский консул уже говорил с ним о киргизах, совершающих набеги на русскую территорию, и он [даотай] знает, что памирские киргизы часто переходили на Алай на зимовку и за сеном. Но он считает Памиры принадлежащими Китаю, и в доказательство этого он сказал, что есть форт и надпись на камне в Соматаше на Аличур-Памире.

Я сказал, что это правда - форт в Соматаше есть, но в нем никого не было, а что касается надписи, то она лишь сообщает историю сражения и не является пограничным знаком [подчеркнуто нами - А.П.]; более того на Памирах нет ни одного китайского чиновника и киргизы в любой момент могут провозгласить себя подданными России или Афганистана. Я добавляю, что если Памиры будут определенно оккупированы китайцами, афганцы бесспорно не попытаются продвигаться, и даже если они это сделают, Правительство Индии в таком случае использует свое влияние для того, чтобы удержать их от продвижения; но что с другой стороны, если афганцы увидят перед собой только пустой форт, и если в то же время будет существовать перспектива оккупации этого форта русскими, для афганцев будет большим соблазном занять его, и китайцы не могут при таких обстоятельствах ожидать, что мы используем свое влияние, чтобы удержать их, тем более, что они должны помнить, что до настоящего времени не было соглашения между двумя странами относительно границы.

Даотай ответил, что форт не был занят возможно из-за плохой погоды, но что это место бесспорно принадлежит китайцам. Секретарь добавил, что при всех условиях русские не могут иметь никаких прав на Памиры... Предупреждение Янгхазбэнда, однако, произвело немедленный эффект и даотай направил людей к памирской границе для сбора информации и по их возвращении, он командировал генерала Чанга [Чена] с 30 солдатами к Мургабу в место слияния Акбайтала с Аксу и к Соматашу”.¹²⁶

Следует заметить, что упомянутая Янгхазбэндом надпись на Соматаше была им тщательно скопирована и затем переведена. На камне изложена следующая история: “На хребте гор десять тысяч человек сложили свое оружие. Китайские солдаты, наступая со всех четырех точек компаса шли (не встречая сопротивления), как-будто проникая в ненаселенную страну. Двое руководителей [бунтовщиков] видя, поэтому, что их дальнейшие усилия будут напрасны, побежали; в то время как наши солдаты в преследовании напоминали тигров и леопардов, гонящихся за лисами и зайцами. Прежде чем наши солдаты далеко продвинулись в своем преследовании и пока они еще пересекали горы (битва закончилась), а наши люди были все еще в хорошей боевой форме”. В качестве примечания капитан Янгхазбэнд пишет:

126 IOLR, MSS, Eur. F 111/70: *Russian advances in Asia*, No. VII, 1890-1895; prepared in the Intelligence division of the War Office by Capt. W.A. Macbean. Sheet 10 backside.

“Дата отсутствует, так как та часть камня, на которой она была выгравирована, оказалась разбитой”.¹²⁷

Летом 1891 года Янгхазбэнд снова отправился на Памир, причем на этот раз китайцы, вняв уговорам английского политического агента, тоже направили туда небольшой военный отряд. Послав лейтенанта Дэвисона вслед за китайцами к Аличур-Памиру, сам Янгхазбэнд направился через Тагдумбаш и перевал Вах-Джир [Wakh-Jir] к Бозай-Гумбезу. Между Янгхазбэндом и Дэвидсоном была налажена постоянная связь через местных жителей. Практически ежедневно гонцы от лейтенанта Дэвидсона доставляли капитану Янгхазбэнду сообщения о действиях Дэвидсона и собранной им информации.¹²⁸ Уже 4 августа 1891 года Янгхазбэнду стало известно о прибытии отряда полковника Ионова на Памир, несколькими днями позже русские пришли в лагерь Янгхазбэнда в Бозай Гумбазе, сообщили о присоединении Памира к России и потребовали от английского офицера немедленно удалиться на территорию Афганистана; Янгхазбэнд был вынужден подчиниться. Ранее Ионов арестовал Дэвидсона в районе Яшилькуля и направил его в Маргелан в качестве пленника.

Завершая рассмотрение деятельности Янгхазбэнда на Памире, следует заметить, что помимо выполнения чисто военно-политических и разведывательных задач, этот английский офицер провел весьма значительные географические исследования и топографические съемки, сильно способствовавшие совершенствованию карт Центральной Азии. Научные материалы Ф.Е. Янгхазбэнда широко публиковались в Трудах Королевского Географического общества Великобритании, в том числе в 1892 году была издана *Карта Памира и прилегающих районов*, составленная по материалам путешественника и показывающая его экспедиционный маршруты.¹²⁹ Позже Янгхазбэнд опубликовал две книги о тибетских и памирских путешествиях, а так же - о своей службе в Индии.¹³⁰ За выдающиеся географические исследования Янгхазбэнд был награжден Золотой медалью Королевского Географического общества.

127 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. “Mr. Macartney to Government of India. Kashgar, December 5, 1891. Inclosure 2 in No.1 - Chinese Inscription discovered by Captain Younghusband at Somatash,” Sheets 381-381 backside. Эта надпись была позже воспроизведена лордом Данмором. См.: Danmore, *The Pamirs...*, vol.2, p.167.

128 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. Sheets 296-297.

129 British Library, Ac. 6170.2. “The Pamirs and adjacent regions,” *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*, Volume XIV (London, 1892). [Map after page 272].

130 Col. Sir Francis Edward Younghusband, *The Heart of a Continent: A Narrative of Travels in Manchuria, across the Gobi Desert, through the Himalayas, the Pamirs, and Hunza 1884-1894*. 2nd edn. (London, 1897). Revised edn. (London, 1937). New edn. (London, 1985); Col. Sir Francis Edward Younghusband, *India and Tibet* (London, 1910).

Не отрицая научных заслуг Янгхазбэнда, снова подчеркнем, что в первую очередь он все-таки был офицером британской колониальной армии, и как таковой не останавливался ни перед чем для того чтобы обеспечить интересы английской политики и принести вред тем, кого он считал препятствием на пути ее осуществления. В этом плане Янгхазбэнду ничего не стоило пренебречь неписанными законами ученых-путешественников, диктовавшими обязательную взаимопомощь между коллегами безотносительно от того к какой национальности или государству они принадлежали. Мы уверены, что именно по этим законам действовал Б.А. Громбчевский, подаривший Янгхазбэнду самую совершенную карту Памира того времени. Янгхазбэнд же, получив от российского путешественника карту 11 Октября 1889 года, буквально на следующий день *посоветовал* киргизам показать Громбчевскому *прямой путь* из Шихидуллы в Полу, путь, по словам Ф.Я. Янгхазбэнда “не имеющий никакой важности, ведущий из никуда в никуда и проходящий через очень высокие плато и горы без травы и топлива, для прохода которым в зимнее время ему придется испытать крайние трудности и потери в его экспедиции”.¹³¹ Русский офицер, на свою беду, послушался совета своего британского коллеги (и, как он считал - друга), и едва не лишился жизни в результате последовавшего за этим страшного зимнего перехода по высокогорью. Его отряд потерял всех лошадей и провизию, а казаки получили множество обморожений и в конце перехода настолько ослабели, что не могли нести даже свое собственное оружие. Сам Громбчевский после этого перехода несколько месяцев был вынужден пользоваться костылями.¹³²

Янгхазбэнд оказался совершенно прав, когда уверенно предсказывал, что силовое решение Россией памирского вопроса вызовет новые осложнения отношений между двумя колониальными империями, однако события далее развивались не совсем по тому сценарию, который представлялся наиболее предпочтительным этому английскому военно-политическому агенту. Причем действия самого Янгхазбэнда создали определенные сложности британским дипломатам, так как, в своем стремлении внедрить китайцев на Памир “капитан Янгхазбэнд зашел так далеко, что написал письмо афганскому “шархад дар” [наместнику] Шугнана, говоря, что китайцы услышали, что он занял Соматаш и желают, чтобы он ушел оттуда; письмо, по поводу которого Правительство Индии должно было объясняться [с афганцами]. Эмир, в ответ на письмо Вице-Короля, утверждал, что Соматаш находится в пределах “данного [ему] Богом Правительства”, и китайцы не имеют права вмешиваться. В то же время, Ний Илеяс обнаружил, что афганскую власть в Шугнана и Бадахшана ненавидят и что обитатели, вероят-

131 АВПРИ, ИДА. Фонд 701, опись 1, №123: Сообщение капитана Ф.Е. Янгхазбэнда о его недавних исследованиях главных горных хребтов Каракорум и Музтаг за Кашмирской границей. Из письма Ф.Е. Янгхазбэнда полковнику Р.П. Нисбету от 26 октября 1889 г., лист 34. О деятельности Янгхазбэнда см. также - АВПРИ, ИДА. Фонд 701, опись 1, №127.

132 Hopkirk, *The Great Game...*, pp.457-458.

но, будут приветствовать приход русских”.¹³³ Хотя эмир Афганистана решительно протестовал против присутствия китайцев в районе Сомы Таша, его представления о географии этих районов и конкретной линии “афганских владений”, на которые он претендовал, были весьма туманными о чем свидетельствует следующее послание, направленное эмиром Правительству Индии 17 октября 1891 года:

“Настоящим я прошу высокое Правительство Индии направить мне правильную карту, которую могут составить и представить достойному Правительству в соответствии с расспросами и съемками английских топографов, выполненными в этих районах, показывающую насколько далеко простираются пределы афганской территории, а также - китайской и русской, так, чтобы я получил возможность узнать об этом, а в соответствии с этими знаниями, иметь возможность послать инструкцию сархаддару Шугнана, по поводу того, как ответить указанному Капитану [Янгхазбэнду], таким образом, чтобы это соответствовало знаниям и информации”.¹³⁴

Нам не удалось установить, отправило ли Правительство Индии эмиру такую карту, однако сам правитель Афганистана не был склонен активно поддерживать стремление англичан иметь объективную оперативную информацию о состоянии дел на Памире. По крайней мере, на официальное письмо эмиру, с просьбой разрешить хакиму Бадахшана напрямую сообщать англичанам о ситуации на Памире, был получен твердый отрицательный ответ.¹³⁵

7. ПОЕЗДКА С.Н.Е. ЭЛИОТА И УРЕГУЛИРОВАНИЕ КРИЗИСА

Летом 1891 года третий секретарь Посольства Великобритании в России С.Н.Е. Элиот посетил Среднюю Азию, “где у него было большое преимущество быть гостем генерала Вревского - генерал-губернатора Туркестана и сопровождать Его Превосходительство в путешествии по его краю, которое включало районы за Алаем и границу с Кашгарией”.¹³⁶ Эта поездка позволила Элиоту лично ознакомиться с решительными настроениями российских туркестанских властей в отношении разграничения Памира, а также - способствовать скорейшему освобождению лейтенанта Дэвисона из русского плена. В своем меморандуме о походе Ионова и аресте Дэвисона третий секретарь Британского Посольства сообщает, в частности, что Янгхазбэнд направил Дэвисона из Кашгара к Яшиль-Кулю, “говоря, что он убедил китайские власти в Кашгаре послать туда генерала и войска, и, что ему

133 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. “Note by Sur Stewart Bayley on the Pamir Question and the North-East Frontiers of Afghanistan,” Sheets 323-324.

134 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. “The Ameer of Afghanistan to the Government of India, October 17, 1891,” Sheet 331.

135 Ibid., Sheet 332.

136 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891. “Mr. Horward to the Marquis of Salisbury (Received October 19), #239. Confidential. St. Petersburg, October 15, 1891,” Sheet 277.

[Янгхазбэнду] очень хотелось знать насколько эффективно они оккупировали страну. Капитан Янгхазбэнд и Дэвисон затем дошли вместе до Булун Куля, где они разделились... Лейтенант Дэвисон прошел по Аличур Памиру к Соме или Соман Ташу на Яшиль Куле, где он обнаружил китайского генерала по имени Яндарин с войсками, который был направлен занять пост в соответствии с просьбой Янгхазбэнда к правительству Кашгара. Он пробыл несколько дней с этим чиновником, до прибытия, около 20 августа полковника Ионова; полковник Ионов спросил Яндарина, что он делает на русской территории, и последний, вместо того, чтобы поддерживать притязания, выдвигавшиеся капитаном Янгхазбэндом, сказал, что его направили с миссией вежливости, для того, чтобы поприветствовать генерал-губернатора Туркестана, который, по его ожиданиям, должен был пройти этим путем, ожидания, - прибавляет С.Н.Е. Элиот, - которые, я могу сказать, были совершенно абсурдными. Полковник Ионов проинформировал его, что у него не будет возможности увидеть Его Превосходительство, и потребовал, чтобы он сейчас же ушел, так как это место является русской территорией. Яндарин подчинился, и полковник Ионов арестовал лейтенанта Дэвисона и пожелал, чтобы он вернулся с ним в Маргелан”.¹³⁷ Следует заметить, что во время похода по Памиру, охрана у палатки Дэвисона была снята и ему предоставлялась полная свобода, даже разрешалось подниматься на близлежащие вершины для описания маршрута. От Алтын Мазара (Altyn Mazar) до Маргелана Дэвисон вообще шел самостоятельно, перед отрядом Ионова. Результатом перехода по Памиру и Маргеланской области английского лейтенанта- пленника русских было составленное им описание и картографический эскиз маршрута.¹³⁸

О событиях, развивавшихся на глазах у С.Н.Е. Элиота, он сообщает в своем официальном меморандуме от 14 октября 1891 года следующее:

“...Около середины августа я встретил генерала Вревского, Генерала-губернатора Туркестана, в Оше, будучи приглашенным Его Превосходительством ранее в этом году сопроводить его к китайской границе. Его Превосходительство совершал свою регулярную инспекционную поездку, которые обычно предпринимаются губернаторами провинций каждый год... Его сопровождал губернатор Ферганы (генерал Корольков), известный путешественник полковник Громбчевский и другие офицеры, а также - князь Николай Голицын, который собирался пройти в Индию через Кашгар, Яркенд и Каракорум.

Так как в отношении путешествия князя Голицына в прессе употреблялся термин “русская экспедиция” в Центральную Азию, угрожающая британским интересам, я могу сказать, что он - личный друг сэра Р. Мориера, который получил для него разрешение Вице-Короля на посещение Кашмира. Он [князь Голицын] - богатый, но эксцентричный русский дворянин, который заявляет, что путешествует с научными целями, и, хотя я сомневаюсь, что он получит результаты, имеющие какое-либо значение для науки, я не думаю, что он прямо или косвенно замешан в каких-либо политических вопросах.

Первоначально я собирался сопровождать князя Голицына до Кашгара, но, когда мы

137 Ibid., Sheets 277 backside - 278.

138 Ibid., Sheets 296-297.

прибыли в расположенный на границе Иркиштам, генерал-губернатор задержался на несколько дней, и я услышал от туземцев-слуг, что “несколько французов” были арестованы на Памире полковником Ионовым и с триумфом доставляются назад [в Россию]. Я, естественно предположил, что имеются ввиду англичане, но не мог получить сведений ни об одном из них, ни надеяться, при сложившейся ситуации, на то, что генерал-губернатор даст мне возможность продолжать следовать с ним. Счастлирое стечение обстоятельств, однако, позволило мне расположить к себе одного из адъютантов, который за меня похотатайствовал, сказав, что я был бы очень рад вместо того, чтобы идти в Кашгар, возвратиться вместе с Его Превосходительством, и, к моему великому удовольствию, однажды после обеда генерал-губернатор предложил мне сопровождать его далее, на что я с радостью согласился.

Из Иркиштама был направлен курьер к Ионову, а также телеграмма военному министру. Как я впоследствии выяснил, в ответе было одобрено изгнание Янгхазбэнда и приказано арестовать любого другого английского офицера, который будет обнаружен на Памире. Генералу-губернатору было приказано ожидать возвращения Иопова. В течение всего нашего путешествия по Алаю, ежедневно направлялись и прибывали курьеры, большинство из которых доставляли телеграммы из Санкт-Петербурга.

Из Иркиштама мы отправились сначала на юг, а затем на запад - между Алайским и Заалайским хребтами. Генерал-губернатор, как и все остальные, ничего не говорили мне об Ионове, хотя я чувствовал, что они что-то скрывают. На восьмой день возвратился казак, посланный на Памир, после непрерывной скачки, по его словам, в течение всех этих восьми дней. На следующий день барон Вревский сказал мне, что Ионов обнаружил на Памире англичанина, который заявил, что он офицер, но так как у него не было документов для удостоверения его личности, он приказал доставить его в Маргелан. Он сказал, что он не желает “далее заниматься этим молодым человеком и поэтому передаст его мне, как ближайшему Британскому Представителю” и попросил меня обеспечить его немедленное удаление из России.

Начальник Канцелярии генерал-губернатора полковник Галкин и губернатор Ферганы... сказали, что их граница идет по прямой линии от озера Сари-Куль к слиянию Кок-ча и Пянджа и что Бозай-и-Гумбаз составляет часть Кокандского ханства, которая была аннексирована *ipso facto* Россией, когда само ханство было завоевано. То, что это действительно была в прошлом часть ханства, доказывалось наличием там могилы кокандского сборщика налогов по имени Боза (откуда произошло название места Боза-и-Гумбаз, или скорее Гумбаз-и-Бозас - “могила Боза”) с надписью, говорящей о том, что он встретил кончину при исполнении своих официальных обязанностей... На следующий день генерал-губернатор разговаривал со мной на ту же тему в течение длительного времени... Генерал-губернатор сказал, что мне должно быть ясно, что как Яшилъ Куль, так и Бозай-и-Гумбаз являются русскими территориями. Первое находится далеко к северу от линии, которая требовалась Правительством Ее Величества в 1873 году, а то, что последний был частью Кокандского ханства доказывается наличием могилы сборщика налогов; я сказал, что я не собирался обсуждать вопрос границ с Его Превосходительством, но, что убийство сборщика налогов представлялось мне доказательством того, что местное население не признавало притязаний кокандского хана. Его Превосходительство сказал, что сборщиков налогов всегда убивают на Востоке и что это ничего не доказывает.

Прошло несколько дней, и мы медленно продвигались по Алайскому плато, но никаких определенных новостей не было получено от Иопова. Время от времени направлялись гонцы, и было предложено послать Громбчевского, но этому выдающемуся путешественнику идея не понравилась и он заболел какой-то загадочной болезнью, которая возобновлялась каждый раз, когда эта тема снова возникала...”

Подводя итог своим размышлениям и сведениям, полученным в Туркестане, С.Н.Е. Элиот делает следующий вывод:

“Российские притязания, в том виде, в каком они формулируются серьезными авторитетами (под которыми я подразумеваю генерал-губернатора и других высших функционеров, а не людей вроде Громбчевского, которые говорят то, что им подсказывает в данный момент их патриотизм), состоят в том, что путем обмена нотами в 1873 году была установлена определенная граница. В соответствии с этими нотами афганская территория ограничена на востоке озером Сарыколь (Виктория, или Озеро Вуда) и линией, прочерченной прямо на юг от восточной оконечности этого озера; на севере она ограничена прямой линией от этого озера к слиянию Кокчи и Окса, к югу, конечно, от Рошана и Шугнана. Российская территория на востоке делимитирована до Уз-бея; к югу от этой точки линия границы не определена, но Россия претендует по меньшей мере на все, что находится к западу от Ак-су, до Бозай-Гумбеца на юге... Далее я полагаю совершенно определенным, что эти притязания не являются капризом местных властей, но есть результат серьезных совещаний весной между бароном Вревским и военным министром, так как я лично слышал от барона Вревского, что последний [военный министр] санкционировал арест Дэвисона, а также, однажды вечером после ужина, подвыпивший Громбчевский хвалился, что это он устроил все это дело весной. На что губернатор Ферганы сказал ему, что он слишком много на себя берет: за все отвечает генерал-губернатор, и он ездил в Санкт-Петербург специально для того, чтобы обсудить этот вопрос с властями. Генерал Вревский умный и дальновидный человек, и, насколько я могу судить из своих наблюдений, он абсолютно лишен того духа беспокойной и безответственной активности, которые характерны для таких функционеров, как генерал Куропаткин. Он многократно повторял мне, “Я может быть ошибаюсь в своих суждениях о российской территории, но, по меньшей мере, я желаю воплотить их в практические требования. Единственное, чего я не потерплю это того, чтобы политические авантюристы вояжировали по территории, которую мы назовем, для начала дискуссии, сомнительной. Я рассматриваю эту территорию как российскую, поэтому я арестую этого джентльмена. Если Вы рассматриваете ее в качестве британской, Вам следует поддержать эту точку зрения официально, а не путем интриг молодых офицеров. Это дело является таким, которым могут заниматься лишь два Правительства, а не я и не капитан Громбчевский”. Я полагаю, что таким образом Его Превосходительство дает понять, что он хотел бы видеть организованной Пограничную Комиссию, или, по меньшей мере, если таковая не будет назначена, он намеревается предпринять эффективные шаги для того, чтобы обеспечить за собой [территории], которые он хочет.

Следует заметить, что Генерал-губернатор не сказал ничего о китайской территории, а я в то время не знал, что наше Правительство серьезно полагало, что Аличур Памир является китайским, так как информация ко мне поступала почти исключительно из русских источников. Однако, когда мне было доказано, что по соглашению 1873 года Яшиль Куль не может, вероятно, быть афганской территорией, я сказал, что не сомневаюсь, что лейтенант Дэвисон думал, что он находится на китайской территории, но Генерал-губернатор, казалось, рассматривал этот аргумент, как чистый софизм. Он несколько раз сказал, что считает Китай страной, находящейся на грани распада и недостойной рассмотрения как серьезного фактора в восточной политике... Местная точка зрения, которая на меня естественно сильно влияла, сводится к тому, что китайцы не достойны какого-либо размышления, и мне трудно согласиться с тем, что, насколько я полагаю является мнением капитана Янгхазбэнда, они создадут постоянный барьер для российского продвижения. Войска, которые я видел, кажутся мне абсолютно достойными презрения и, я уверен, они даже не многочисленны, и, по сведениям лейтенанта Дэвисона, кашгарские власти

велели своим подчиненным не оказывать сопротивления передвижениям Ионова. Пекин столь далек и связь с Центральным Правительством так трудна, в то время как Россия так близка и могущественна, что не приходится удивляться тому, что китайские власти боятся делать что-либо, что может ее оскорбить. Я уверен, что замысел Вревского состоит в том, чтобы довести дела до такого кризиса, когда станет необходимой делимитация между Англией и Россией без обращения к третьей стороне. Мир, сказал он, может быть обеспечен англо-русской линией границы без буферного государства, но, я полагаю, что он предпочел бы сначала договориться с нами, и, зафиксировав наши границы, перейти к менее церемонному решению вопроса с Китаем. Другими словами, я думаю, Его Превосходительство не согласится, если ему это удастся, на трехстороннюю делимитацию, но очень хотел бы устроить разграничение *à deux* [на двоих], так как он полагает, что по соглашению 1873 года мы не можем потребовать какой-либо территории к северу или востоку от Сары-Куля".¹³⁹

Следует заметить, что наблюдения и оценки ситуации британского дипломата свидетельствуют о его замечательной проницательности и великолепном понимании сложившегося положения, а его выводы и прогнозы о возможном сценарии дальнейшего развития событий на Памире и хода переговоров, в будущем, как мы увидим ниже, практически полностью оправдались.

Во время пребывания Элиота в Маргелане, туда прибыло посольство из пограничного с Канджутом и Китаем княжества Хунза, которое англичане в то время всячески старались сделать послушным орудием своей центральноазиатской политики. Русские хранили полное молчание об этом посольстве, всячески отрицая его присутствие, в связи с чем Элиот пришел к "мнению, что русские намереваются распространить их владения вплоть до Канджута".¹⁴⁰

Британские военные и дипломаты, получившие от Элиота уверения в том, что русские собираются упорно придерживаться соглашений 1872-73 годов, стали стараться найти любые доводы в пользу того, чтобы дезавуировать эти соглашения. Одним из таких доводов, в частности, было утверждение, что долинные земледельческие государства в горах как правило располагались по обоим берегам рек, долины которых служили их государственными территориями. Исходя из этого положения, Сэр Генри Роулинсон старался доказать, что поскольку Россия признала зависимость Бадахшана от Афганистана, она, таким образом признала возможность "перехода" границы на северный берег Окса, так как территории зависимых от Бадахшана княжеств распространялись на этот берег. Таким образом, как полагает Роулинсон "единственное положение, которое может быть выведено из так называемого соглашения 1873 года, сводится к тому, что Россия, согласившись признать главное - а именно, - афганские права на Бадахшан и Вахан, вынуждена принять установленные границы этих районов, как демаркационную линию, ограничивающую на юге территории, зависимые от Бухары, или территории независимого Памира. Следует заметить, - продолжа-

139 Ibid., Sheet 278 - 279 backside.

140 Ibid., Sheet 314.

ет Сэр Роулинсон, - что в принципе не существует абсолютно никакой разницы в этом смысле между Ваханом, Ишкашимом, Гараном, Шугнаном и Рошаном. Эти районы, каждый сам по себе и все вместе, рассечены Пянджем, и поэтому, при приведении в действие соглашения 1873 года они должны быть рассечены, или сохранены в *státus quó ante*, путем отмены этого деструктивного проекта... Первое и наиболее важное, что нам следует иметь ввиду это то, что, если территории за Оксом будут отделены от Афганистана, их нельзя оставить, как брошенные районы на милость киргизов-кочевников Памира. Защищенные земли в речных долинах, протягивающихся к Пянджу, конечно будут заселены беженцами из соседних таджикских и узбекских государств; и есть все основания полагать, что эти сообщества отдадут себя под протекторат России. Эта держава, действительно, в течение нескольких прошедших лет демонстрировала величающую энергию в съемках Памира и в распространении своего присутствия и влияния вплоть до самых истоков Окса, в результате чего, Россия будет контролировать легкий проход к перевалу Барогил, а так же - к Кашмиру и Кабулу через открытые долины Гилгита и Читрала”.¹⁴¹

В политическом и секретном департаменте английского колониального правительства в Индии, однако, вполне допускали возможность развития событий по сценарию, диктовавшемуся упорным нежеланием России пересматривать соглашения 1873 года, и не собирались защищать интересы Афганистана к северу от Аму-Дарьи силой оружия. Сэр Стюарт Бэйли, в своей специальной справке по этому поводу, от 19 ноября 1891 года, подчеркивает, что “...мы не обязаны, исходя из соображений чести (я не поднимаю здесь вопроса о политике), закреплять власть эмира силой оружия в районах за Оксом, против аннексии которых мы возражали в 1884 году, и из которых он согласился вывести свои войска. Это особенно справедливо в отношении Рошана, где, по нашим сведениям, у него вообще нет регулярных войск и откуда он не получает дани”.¹⁴² В то же время, англичан не мог не волновать вопрос о территориях, практически не оговоренных в соглашении 1873 года. Речь идет о районах к востоку от истоков Аму-Дарьи. Здесь, по мнению сэра Стюарта Бэйли, положение с разделом сфер влияния и установлением границ было не менее сложным. В частности, он отмечает по этому поводу следующее:

“Трудности, требующие решения в отношении территории к востоку от Вахана, представляются не менее неуправляемыми. Настолько, насколько это выполнимо с помощью кисти для рисования и карты, капитан Янгхазбэнд решил их, помещая китайскую границу к юго-западу от Тагдумбаш Памира, таким образом, что она включает всю страну, являющуюся бассейном реки Аксу, и весь Аличур Памир за Яшиль Кулем; но, как уже подчеркивалось, на Аличур Памир также претендует Афганистан, и вся эта территория до сих пор эффективно не занята ни одним из этих государств, и, в то же время, насколько мне

141 IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential* (6131), 1890-1891,” Sheet 320.

142 Ibid., Sheet 326 backside.

известно, на район между Акташем и Лангаром или между меридианом 74 градуса и Памиром Тагдумбаш не претендует даже Китай, и он, таким образом, в отношении фактической оккупации, должен быть признан ничейной землей".¹⁴³

Этот участок ничейной земли особенно беспокоил англичан, и, в связи с этим, в министерстве иностранных дел Великобритании и правительстве Индии очень серьезно отнеслись к сообщениям русских о существовании "исторических прав" Коканда на Боза-и-Гумбез, основанных на расположенной там могиле сборщика налогов Боза. Как и в большинстве подобных случаев в прошлом, у англичан нашлось свое объяснение истории этого места. В письме лорда Кёрзона МИДу Великобритании от 6 января 1892 года утверждается, что на основании сведений Гуджали Али Ганхара (Gujali Ali Ganhar) - проводника английского полковника Б.Дж. Вудторпа (B.G. Woodthorp), Боза был предводителем киргизских разбойников, которые около 40 лет назад (т.е. в 1850-х годах) занимались тем, что грабили караваны, направлявшиеся из Хунзы в Вахан, и таким образом сделали практически невозможной торговлю между этими княжествами. В конце концов войска Хунзы нанесли поражение отряду киргизов; во время этого сражения Боза был убит. Кёрзон делает вывод, что "невероятно, чтобы человек занимался сбором налогов в этих, обычно ненаселенных районах, за исключением того, в каком стиле это делалось Бозой - бандитом с большой дороги, освобождавшим путешественников от всего чем они владели".¹⁴⁴ Эти справедливые соображения однако не снимали вопроса о подданстве Бозы и киргизов, которые ему подчинялись, а лишь показывали зыбкость любых притязаний в этих районах на основании "исторических прав".

8. "ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВА" ПО МЕСТНОМУ ПОНИМАНИЮ

Вернемся теперь несколько назад и рассмотрим русские географические исследования и военно-политические мероприятия, направленные на разрешение "Памирского вопроса".

Российское правительство первоначально не придавало Памиру большого значения, однако сведения, добытые экспедицией Громбчевского и, особенно сделанный им вывод о решимости британских властей осуществить раздел Памира между Китаем и Афганистаном принудили военное руководство России предпринять шаги для выяснения истинного положения дел на Памирах и обеспечения геополитических интересов империи в этом районе. Началась подготовка специальной военно-рекогносцировочной экспедиции на Памир, активное участие в которой принимал Б.А. Громбчевский. В своей записке на имя начальника Главного штаба Н.Н. Обручева от 6 апреля 1891 года подполковник Громбчевский следующим образом

¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ IOLR, MSS, Eur. F 111/113: *Correspondence in regard to the Pamir frontier. Confidential (6131), 1890-1891,* "On base of latter - Colonel Woodthorp to the Government of India, 11 December 1891. Sheet 338.

описывает ситуацию, с которой столкнется, по его мнению, русский военный отряд на Памире:

“Рекогносцировочный отряд, спустившись с перевала Уз-бель к озеру Ранг-Кулю наткнется на китайский пикет. Далее, следуя на юг, отряд этот наткнется на пикеты: при впадении р. Ак-байтал в р. Мургаб, на урочище Ак-Таш, на верховьях реки Ак-су и затем на Памирах близ перевала Баш-Гумбеза и на восточных склонах оз. Яшиль-Куля по реке Аличур. На всех этих пикетах живут китайские беки, назначенные из местных киргизов-родовичей, и при них небольшое количество вооруженных джигитов из местных киргиз”.¹⁴⁵

Нетрудно заметить, что здесь Громбчевский, по неизвестной нам причине, явно преувеличивает силы “киргизов-пограничников” и его сведения сильно расходятся с приведенными выше данными Янгхазбэнда.

Во время планируемого похода военно-рекогносцировочного отряда по Памиру наиболее важной его задачей Громбчевский считал приход в урочище Бозай-и-Гумбез, “так как здесь жил и похоронен последний ставленник кокандского хана Худояра - Бозай-Дотха, управлявший всеми Памирами и убитый 27 лет тому назад в стычке с разбойничьей шайкой кокандцев. В виду вышеизложенного, - добавляет Громбчевский, - права России на урочище Бозай-и-Гумбез несомненны...”¹⁴⁶ Заметим, что таджикский исследователь Б.И. Искандаров, на основании местных таджикских и киргизских источников показал, что многие местные правители Восточного Памира не только признавали верховную власть Коканда, но даже получали от кокандского хана высокие военные и придворные звания. Так например, один из представителей памирской аристократии - Сохиб-Назар - до присоединения Россией Кокандского ханства, так же как и Бозай, был пожалован какандскими ханами высоким чином *датхо* (генерала).¹⁴⁷

Военно-рекогносцировочный отряд под руководством полковника Михаила Ефремовича Ионова (1846-1923?) был направлен на Памир в июле 1891 года; отряд состоял из восьми офицеров, 80 рядовых пехотинцев, 33 казаков, врача и топографа. Основной целью похода была съемка памирских земель и выяснение военно-политической обстановки в этом районе. Ранее мы уже отмечали решительные действия Ионова по отношению к китайскому отряду чиновника Чена (Чана), находившегося у Яшиль-Куля вместе с английским лейтенантом Девисоном. У Яшиль-Куля отряд Ионова обнаружил 2 обломка плоских камней с манджурскими, таджикскими и китайскими надписями. Ионов забрал эти таблички и отвез их в Фергану.¹⁴⁸ На следующий год и сам китайский памятник Соматаш был вывезен с Яшиль-

145 РГВИА, Фонд 846, опись 1, №106. О предложении английского правительства разграничить Памир между Китаем и Афганистаном; 15 декабря 1890 - 19 декабря 1891 г. - Записка подполковника Б.А. Громбчевского начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву от 6 апреля 1891 г., №1419, лист 28.

146 Там же, лист 29.

147 Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты...

148 РГВИА, Фонд 846, опись 1, №114. Рапорт начальника рекогносцировочной партии на Памире пор. Бржезицкого от 17 марта 1892 г. №17, лист IV оборот.

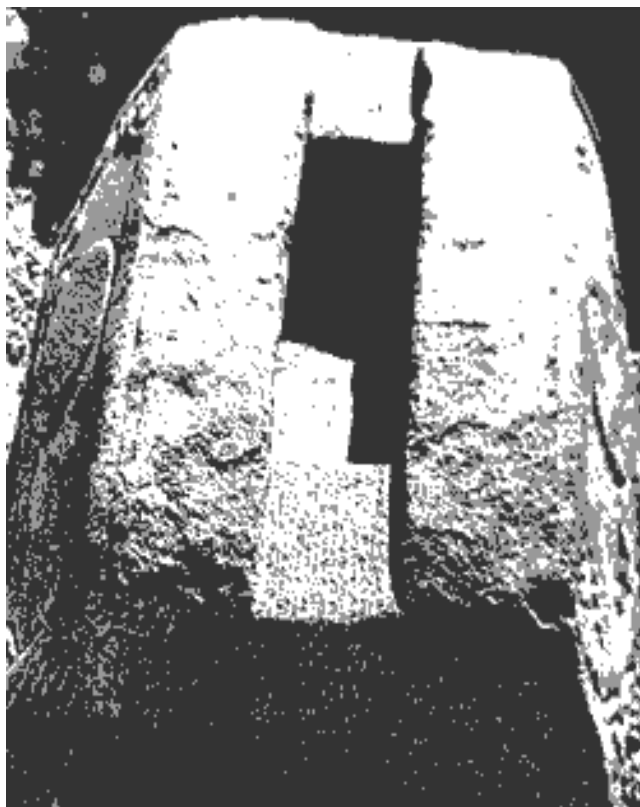

Рис. 6. Китайский памятник Соматаш [1759 г.], обнаруженный в 1984 году членами специальной советской комиссии в основании памятника В.И. Ленину в городе Хороге.

Куля. В 1893 году лорд Данмор видел Соматаш в ташкентском музее,¹⁴⁹ а впоследствии этот “черный камень” на долгое время исчез из поля зрения политиков и ученых; лишь в 1984 году члены специальной советской комиссии обнаружили его в основании памятника В.И. Ленину в городе Хороге (Рис. 6).

В правящих кругах Китая не было единства по Памирскому вопросу. Сановник Ли Хунчжан [Li Hung Chang] отстаивал притязания на Памиры на запад до линии к югу от Уз-Беля до озера Виктория, но в Ямене он встретил оппозицию со стороны сановника Хун Дажэня [Hung Ta-Jen], считавшего возможным при-

нять предложение России о границе по Сарыколу.¹⁵⁰ К февралю 1893 года, англичане, внимательно следившие за ходом дискуссии, констатировали даже кризисную ситуацию по этому вопросу во внешнеполитическом ведомстве Китая. Ли Хунчжан для поддержки своей позиции обратился к помощи британских дипломатов еще в ноябре 1892 года¹⁵¹ и неоднократно повторял свои запросы позже.¹⁵² Англичане с готовностью предоставили ему поддержку. В частности, после настоятельных просьб британского посла О’Коннора, ему была выдана инструкция заверить Ямен, что никаких соглашений между Россией и Великобританией по Памиру не будет заключено без предварительных консультаций с китайской стороной.¹⁵³ Однако в 1893 году отношения между Англией и Китаем ухудшились из-за китайско-бирманского пограничного вопроса, и Великобритания пошла на сепаратные переговоры с Россией (с участием Афганистана) по установлению границы российских владений на Памире, которые завершились в 1895-96 годах делимитацией и демаркацией на местности южного участка линии этой

149 Danmore, *The Pamirs...*, p.167.

150 IOLR, F.O. 65/1460. Conf. 13, Brenan (Consul in Tientsin) to O’Connor, 26 January 1893.

151 IOLR, F.O. 65/1443. Conf. 98, O’Connor to Rosebery, 22 November 1892.

152 IOLR, F.O. 65/1464. Conf. 120, O’Connor, 7 May 1893.

153 IOLR, MSS, Eur. C 178, p.461.

границы, которая официально признается до сих пор в качестве государственной границы СНГ (Таджикистана) с Афганистаном.¹⁵⁴

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашего очерка истории борьбы за памирские земли, можно утверждать, что вопросы “исторических прав” соседних государств на эти территории, так же как географические особенности их различных частей безусловно играли существенную роль на этапе выработки стратегии и тактики ведения переговоров, но, в то же время, их влияние ощущалось значительно меньше на стадии принятия политических решений по государственному размежеванию. Так, в случае первоначального раздела колониальных сфер влияния Британии и России в Центральной Азии в 1869-1873 гг., по сути дела, решался на региональном уровне геополитический вопрос создания условной географической границы, зоны или конкретного государства в качестве будущего предела распространения владений двух империй. Географический императив в этом случае играл ведущую роль, так как предполагалось, что создаваемые границы или пояс должны были, с одной стороны, хорошо очерчиваться определенными природными контурами (главным образом - горными цепями и течением рек), а с другой - создавали бы достаточно серьезные препятствия (в виде труднопреодолеваемых перевалов, воинственных народов, или невозможности обеспечения армии необходимой провизией) для перемещения войск потенциального противника. Практически всем этим критериям отвечала Памирская горная страна, причем, если говорить о гипотетических “исторических правах” окружающих государств в период переговоров о разделе сфер влияния, англичанам уже было известно этническое родство и тесные исторические связи памирских таджиков и горных киргизов с народами, населяющими более северные территории, которым, по оказавшемуся пророческим мнению британских аналитиков, суждено было, рано или поздно, оказаться в составе Российской империи. Таким образом, знание “исторических прав” в данном случае послужило, в известной мере, побудительной причиной активного стремления Британии очертить пределы распространения владений России в южном направлении. Сам по себе факт заключения Соглашения 1873 года хотя и не мог, строго говоря трактоваться как международный договор о границах (хотя бы потому, что две колониальные державы делили земли, не принадлежавшие им в то время), но в дальнейшем этот двухсторонний акт практически полностью определил, по крайней мере для России, как систему аргументации при дискуссиях о территориальной принадлежности Памирских земель, так и практические меры военного руководства Русского Туркестана по продвижению на Па-

154 IOLR, F.O. 65/1484. Conf. 39, O'Connor to Rosebery, 18 February 1894; F.O. 65/1415. Tel. 22. Kimberley to O'Connor, 13 March 1894.

мир, закончившемуся его аннексией *de facto*, с оправданием этой акции *de jure* Соглашением 1873 года.

Историко-географические факторы приобрели особенное значение, когда стало ясно, что Афганистан не собирался руководствоваться Соглашением 1873 года и начал экспансию на Памир в 1883 году. Такое развитие событий формально являлось нарушением этого соглашения, и Россия в дискуссиях с Англией стала жестко настаивать на необходимости строгого соблюдения буквы и смысла договоренности Гранвилля-Горчакова. В противовес этой позиции Британия пыталась опереться на результаты специальных историко-географических исследований Шоу, Илеяса, Янгхазбэнда и пундитов для доказательства “исторических прав” Афганистана и Китая на памирские земли. В ответ на это, Россия также занималась подобными исследованиями, но их результаты практически не влияли на основную позицию российских дипломатов, опиравшихся на политическое решение 1872-73 годов. Это не мешало, однако, русским военным, довольно нескладно, пытаться скрыть следы пребывания цинских войск на Памире в 1759 году в виде установленного ими у озера Яшилькуля памятника Соматаш.

“Исторические права” Коканда и Бухары на Памиры к западу от Сарыкольского хребта играли существенную роль в переговорах русских с Якубеком, а затем с Китаем при определении северного участка границы на Памире, но этот сюжет в настоящей статье не рассматривался. Результаты российских работ такой направленности были сообщены англичанам официально лишь при обсуждении юго-восточного участка границы Афганистана с Россией и ее выхода на китайскую границу в районе пика Повало-Швейковского. В этом случае российский комиссар генерал-лейтенант Повало-Швейковский показывал своему британскому коллеге генералу Герарду Ярлыки (права на владения) кокандских ханов на памирские земли.

Таким образом, подводя черту, можно констатировать, что при заключении пограничных договоров на Памире в 19 веке, окончательная делимитация и демаркация линии границы производились на основании *политического* решения договаривающихся стран, при формулировке которого практически не принимались во внимание не только какие бы то ни было “исторические права” соседних государств, но также интересы и реальные права местного населения Памира, районы расселения или кочевок которого нередко пересекались государственными границами. Ведущими факторами при этом были эгоистические геополитические интересы двух империй, границы которых, в какой-то мере, определялись географическими особенностями территории, на которой проводилось размежевание. Сами же работы британских и российских путешественников и дипломатов по изучению “исторических прав” различных стран на памирские земли, исследования расселения памирских народов и их этнографических особенностей, географические исследования и картографирование на Памире бесспорно способствовали развитию научных знаний об этой горной стране и ее жителях. В этом отношении “арене” “Большой Игры” в известной

мере “повезло” в 19 веке несколько более, нежели другим малоизученным районам: “Холодная Война” Англии и России около ста лет приковывала внимание ученых и читающей публики к Центральной Азии и Памиру. К сожалению, многие из результатов таких исследований сохранялись в глубокой тайне вплоть до совсем недавнего времени. Лишь некоторые из них сообщались, подчас в сильно урезанном или искаженном виде на заседаниях научных обществ и в книгах основных “актеров” и публицистов “Большой Игры”. Новейшие публикации по проблеме, введение в научный оборот издававшихся ранее документальных источников, связанных с историей геополитического противостояния в Центральной Азии в 19 веке, дают современным исследователям много неизвестных ранее материалов как по истории внешней политики Британии, Цинской империи, Афганистана и России, так и по этнографии и исторической географии коренных памирских народов. Автор надеется, что его исследование также будет способствовать расширению источниковой базы такого рода.